КАКЪ, БЫВАЛО, ѢЗЖАЛИ.

Воспоминанія о проѣздѣ зимою изъ Москвы въ Читу.

I.

Отъ Москвы до границы Азіи.

Путь изъ центра Россіи въ восточную Сибирь однообразенъ. Двигаясь на востокъ въ однѣхъ широтахъ, не встрѣчаешь рѣзкихъ контрастовъ въ природѣ и въ населеніи,—все однотонно и мѣстныхъ колоритовъ мало; врядъ ли гдѣ еще на протяженіи шести тысячъ верстъ встрѣтится такое однообразіе; особенно зимою слѣдованіе въ Сибирь бѣдно впечатлѣніями. Зимою путь изъ Москвы въ Читу (кромѣ участковъ: Москва-Нижній и Пермь-Тюмень) сплошь гужевой; лѣтомъ это путешествіе разнообразятъ пароходы, зимою же скука томитъ уже послѣ первой недѣли пути.

Мѣстности по Уралу напоминаютъ Сибирь: природа, селенія и жители нѣсколько разнятся отъ центра Россіи. По такъ-называемому „московскому тракту“ между Москвою и Читою въ предѣлахъ Европейской Россіи встрѣчаешь больше инородцевъ нежели въ Азіи. Въ Казанской, Пермской и Вятской губерніяхъ видишь Татаръ, Черемисъ, Чувашей; за Ураломъ же попадаются одни Русскіе вплоть до города Верхнеудинска за Байкаломъ, гдѣ снова являются инородцы—Буряты. При проѣздѣ изъ внутреннихъ губерній въ восточную Сибирь бросается въ глаза бытовая граница—переходъ отъ тѣсноты къ простору, отъ шума и суеты къ тишинѣ и спокойствію богатой пустынной Сибири.

1888 года, 25 ноября, мы выбыли изъ Москвы въ Читу,— я съ женою ѣхалъ на службу въ Забайкалье. По рельсамъ между Москвою и Нижнимъ, Пермью и Тюменью мы ѣхали одинъ день и три ночи, а на лошадяхъ остальную часть пути— тридцать пять сутокъ.

Въ Нижнемъ рѣки еще не стали; насъ на утлой лодкѣ переправили черезъ Оку гребцы одѣтые въ тулупы. Санный путь только-что устанавливался; на Казань мы выѣхали въ ночь. Снѣжило, было сыро и темно когда мы впервые заслышали почтовый колокольчикъ. На первомъ перегонѣ встрѣтился оврагъ—самый крутой спускъ по всему тракту до Казани, по тракту называемому „по горамъ", идущему по нагорному, правому берегу Волги. На спускѣ коренную взяли подъ уздцы; она садилась, и мы бокомъ сползли съ крутизны. Ямщикъ сказывалъ что тяжелыя почты иной разъ кубаремъ летятъ здѣсь внизъ. Несмотря на новизну всего окружающаго, на овраги и горы, на неровную ѣзду по первопутью, насъ уже на этомъ переѣздѣ закачало и убаюкало: первую ночь, которую мы проводили подъ открытымъ небомъ, мы крѣпко спали. Большая разница какъ спишь на станціяхъ и въ ѣздѣ. При слѣдованіи Сибирью ямщики часто должны были расталкивать, расшатывать меня, когда я соннымъ въѣзжалъ на станцію и медлилъ предъявленіемъ подорожной. Такого крѣпкаго сна какъ сонъ на Яблоновомъ хребтѣ, когда мы лежа ѣхали въ кошевѣ, я не запомню. То былъ сонъ буквально подъ открытымъ небомъ: въ кошевѣ нѣтъ намета, лежишь подъ кошмами и дышишь чистымъ воздухомъ пустынныхъ равнинъ, по которымъ скользишь какъ бы плывя въ лодкѣ.

26-го ноября утромъ мы пили чай въ селѣ Лысковѣ. Станціонное помѣщеніе здѣсь было просторно, тепло и чисто. Такихъ во всѣхъ отношеніяхъ удобныхъ станцій мы болѣе не встрѣчали при двухстахъ остановкахъ которыя мы сдѣлали до Читы. Бывали станціи просторныя, но не теплыя, бывали станціи теплыя, но тѣсныя и душныя. Чѣмъ глубже въ Сибирь, тѣмъ чаще станціи, но за то тѣмъ болѣе онѣ кишатъ насѣкомыми. Спать на станціяхъ приходилось на полу посреди комнаты, обсыпавъ себя кругомъ персидскою ромашкой.

Къ вечеру мы были въ городѣ Васильсурскѣ. Плоскій, болотистый берегъ рѣки Суры, съ котораго мы поднялись въ городъ, поросъ ивой и березками. Лѣтомъ тутъ, вѣроятно, живописно; при насъ же все было скрыто подъ снѣгомъ; среди кустовъ и по замерзшимъ болотамъ стояли телеграфные столбы:

они возвышались здѣсь кучками. Три-четыре столба скрѣплены верхушками и похожи на козлы, на подпоры чего-то. И дальше вездѣ въ топкихъ, заливныхъ мѣстахъ и на хребтахъ, гдѣ часто бушуютъ бури и вѣтры бываютъ сильны, видѣли мы такія сооруженія. Въ широкія рѣки, напримѣръ Каму, проволока ныряетъ; кромѣ этихъ краткихъ, такъ сказать, исчезновеній, проволока провожала насъ вдоль всего пути. Чѣмъ ближе къ Забайкалью, тѣмъ ряды ея утончались; изъ первоначальныхъ семи только три нити дотянулись до мѣста нашего назначенія. Тамъ гдѣ ничего кромѣ снѣга и неба не было видно неизмѣнно торчали телеграфные столбы. На бѣломъ фонѣ снѣга черныя вертикальныя линіи стоятъ все чаще, все тѣснѣе другъ къ другу и все мельчаютъ, пока вдали не станутъ казаться точками, а затѣмъ сѣрою полосой теряющеюся во мглѣ на горизонтѣ.

Въ городѣ Васильсурскѣ мы, по примѣру отцовскому, заказали себѣ стерляжью уху, и дальше по пути мы не пропускали города чтобы не поѣсть какого ни на есть „варева“. Продовольствоваться зимою по почтовому тракту оказывалось хлопотливо. Мы ѣхали въ филиповки; мяса и молока, поэтому, не вездѣ можно было достать, консервы оттаивать отнимало много времени на станціяхъ, и жестянки плавились иной разъ раньше нежели содержимое ихъ оттаивало; олово текло, а въ коробкахъ были еще ледяшки. Пельменями и замороженными щами мы запаслись только съ Томска. Въ ѣздѣ меньше ѣстся нежели можно было бы ожидать. Два-три чая съ закуской вполнѣ достаточно въ теченіе сутокъ.

За Васильсурскомъ идутъ горы. Горы здѣсь въ русскомъ, а не въ швейцарскомъ или кавказскомъ смыслѣ: все широковолнистая гладь, холмы съ отлогими, въ цѣлыя версты длины, спусками и подъемами. Чудны въ этихъ мѣстахъ березы. Вѣковыя алеи ихъ тянутся по тракту отъ Нижняго черезъ Казань на Пермь. Всего красивѣе и величественнѣе березы около Суры. Жаль что этими алеями, красивыми и зимою, любуются немногіе проѣзжіе. Одни купцы дорогой на Ирбитскую и Минусинскую ярмарки видятъ ихъ.

Въ городъ Чебоксары мы въѣхали въ воскресенье когда народъ шелъ къ заутрени. Здѣсь при всемъ русскомъ — церквахъ, строеніяхъ, костюмахъ — нашъ слухъ поразила нерусская рѣчь. Какъ-то странно было что люди, по облику и платью русскіе, тараторили вокругъ насъ на непонятномъ намъ

языкѣ; здѣсь встрѣтились первые инородцы—Черемисы и Чуваши, и вплоть до Казани русскихъ ямщиковъ у насъ не было. Дни были коротки, ночи темны; стояла какая-то мгла; пасмурная погода и однообразіе зимней ѣзды навѣвало скуку,—новые типы ямщиковъ, непонятный ихъ говоръ, своеобразные ихъ пріемы при ѣздѣ могли еще развлечь и забавить насъ, но лишь на время. Третья недѣля въ открытомъ морѣ бываетъ томительна, зимою же и по населенной мѣстности надоѣдаетъ ѣзда уже черезъ недѣлю; является потребность осѣдлости, вниманіе ко всему вновь встрѣчающемуся притупляется, впечатлѣнія дѣлаются нестойкими, и на путника нападаетъ какая-то истома, какое-то безучастіе ко всему мелькающему вдоль пути.

У Чувашей лошади малорослы, упряжь убогая, иногда веревочная, колокольчики не валдайскіе, а жиденькіе, не заливаются густымъ гуломъ, а дребезжатъ сухою дробью. За то у Чувашей бываетъ и по два колокольца подъ дугою. Отсюда собственно уже и начинается двойной звонъ: по всей Сибири иначе не ѣздятъ какъ съ двумя поддужными „билами“. Древній „красный звонъ“—три колокольчика—я встрѣтилъ только въ Якутской области.

По деревнямъ инородцевъ трактъ не идетъ,—селенія Чувашей видны съ него издали; онѣ расположены на склонахъ горъ; дома въ нихъ мелки, однообразной постройки, стоятъ скученно. Сады тщательно огорожены; такихъ акуратныхъ, исправно содержимыхъ плетней, изгородей и частоколовъ по всему нашему пути не пришлось видѣть. Мѣстами окрестности чувашскихъ селеній напоминали мнѣ Канаду съ ея многочисленными hedges и fences. Вся заселенная Сѣверная Америка испещрена гранями между частными владѣніями. Прямолинейныя изгороди идутъ тамъ всегда по меридіану.

Между Чебоксарами и Свіяжемъ многое напоминало старое доброе время: обширныя теплыя станціонныя зданія казенной постройки съ широкими центральными коридорами, со старинною мебелью, крытою черною волосяною матеріею или кожей. Сухо и уютно было въ этихъ высокихъ станціонныхъ комнатахъ отапливаемыхъ кирпичными печами громадныхъ размѣровъ. Станціонные писаря были въ мундирахъ, дуги—съ казенными форменными бляхами, у ямщиковъ бляхи не на однѣхъ только шапкахъ, но и на рукавахъ; въ почтовой конюшнѣ козелъ имѣлъ между рогами почтовую бляху. Не доставало только почтоваго рожка.

Въ Свіяжѣ, когда лошади были уже готовы и мы вышли

садиться, намъ посовѣтовали не пускаться въ путь. Между Свіяжемъ и Услономъ самая трудная и опасная станція подъ Казанью. Переночевавъ, мы на утренней зарѣ выѣхали въ метель; было, какъ объяснили, „убродно“, — лошади тонули въ рыхломъ, наметенномъ за ночь снѣгѣ, слѣда не было; 26 верстъ мы тянулись болѣе трехъ часовъ. Чувашъ все почти время шелъ рядомъ съ тройкой. Сейчасъ за городомъ Свіяжемъ версты двѣ подъема на Слободскую гору. Съ вершины ея видъ на плоскогорье. Лѣтомъ тутъ должно-быть красиво,— намъ представлялось громадное покрытое снѣгомъ пространство, на которомъ кое-гдѣ чернѣли лѣса. Картина печальная— предвкушеніе сибирскаго однообразія. Слободская гора—самая значительная возвышенность (исключая Урала) между Москвою и Красноярскомъ; на ней виднѣлись даже голыя скалы. Вплоть до Байкала мы уже скалъ болѣе не встрѣчали.

Когда мы подъѣзжали къ Услону пурга стихла, погода прояснилась; послѣдняя передъ Казанью станція для насъ была водяною станціей: только-что спустились мы въ затонъ Волги какъ насъ обрызгало водою; мы тащились по мокрымъ пескамъ, санями царапали о гальки, проѣхали по „наливу“, причемъ вода затекла въ сани. Подъ самою Казанью намъ предложили пройтись. Повозку распрягли и лошадей повели врозь, одну далеко отъ другой. Шесть перевощиковъ на себѣ тащили экипажъ. Пóлыни, мимо которыхъ мы шли, были тщательно обставлены сосенками и ельникомъ. Видъ назадъ, на Услонъ, былъ живописенъ; подъ крутымъ берегомъ пестрѣли домики, пароходы, суда, баржи. Трубы и мачты густою каймой тянулись надъ только-что ставшею Волгой. Солнце котораго мы съ Москвы не видали блеснуло и яркими лучами ударило въ снѣговую и ледяную ширь,—панорама представилась намъ величественная. Тоскливое впечатлѣніе, навѣянное метелью и пустынною мѣстностію по которой мы проѣзжали въ сумрачные дни, разомъ исчезло.

Сравнительно съ остальными городами по дорогѣ въ Читу Казань показалась мнѣ оживленнымъ городомъ. Многіе сибирскіе города, напримѣръ Томскъ, Красноярскъ, Иркутскъ и другіе не имѣютъ столь разноплеменнаго населенія какъ Казань.

Мы въ день пріѣзда вечеромъ покинули Казань. Наше новое подвижное жилище было болѣе скромныхъ размѣровъ нежели то въ которомъ мы проводили дни и ночи между Нижнимъ и Казанью: повозка наша изъ Казани на Пермь была

ýже и легче; она крыта была рогожей и обита внутри сыромятными кожами. Тѣмъ не менѣе намъ и съ десятью пудами багажа въ ней было просторно даже когда мы на полушубки надѣли дохи. Чѣмъ дальше въ Сибирь, тѣмъ болѣе горизонтально ѣдешь—сидѣніе замѣняется лежаніемъ; въ кошевахъ за Верхнеудинскомъ и въ почтовыхъ повозкахъ стараго образца въ Забайкальѣ лежишь плашмя какъ въ кровати.

Дорога за Казанью была разбита обозами; какъ хорошо ни везли Татары, ухабы давали себя знать и намяли намъ бока. Черезъ нѣсколько станцій, когда еле занялась заря, намъ на встрѣчу сплошною стѣной надвинулся туманъ. Такого густаго тумана ни по дорогѣ въ Читу и ни раза за всѣ пять лѣтъ пребыванія въ Сибири мнѣ не пришлось видѣть. Холодъ и сырость пронизывали насъ насквозь; на слѣдующую ночь мы не могли сомкнуть глазъ и дрожали въ продолженіе цѣлыхъ переѣздовъ между станціями. Ночи до Перми были самымъ мучительнымъ временемъ всего путешествія, — нигдѣ за Уралomъ мы не испытывали тѣхъ невзгодъ какъ здѣсь. Ртуть стояла на замерзаніи и вѣтра не было, но холодъ благодаря сырости воздуха проникалъ чрезъ доху и полушубокъ. Струи влажнаго воздуха лились повсюду подъ платье; внутренность экипажа заиндевѣла, чего въ Сибири никогда не случалось, даже тогда когда мы кошмой совсѣмъ закрывались и днемъ ѣхали въ темнотѣ. Самое непріятное было то что дыханіе осѣдало на воротникахъ шубъ и что̀ дальше, то больше намерзало снѣга и льда около самаго лица. Какъ, бывало, ни укроешься, какъ ни ляжешь—вездѣ ледяныя сосульки колютъ лицо; голова при этомъ должна была покоиться на жесткой подушкѣ покрытой ледяною корой. Памятно это время, и доселѣ по спинѣ пробѣгаютъ мурашки какъ вспомнишь объ этой части нашего пути. Тогда думалось: что̀ же въ Сибири когда еще передъ Уралomъ такъ ужасно?! Тридцати- и сорокаградусные морозы переносятся легче нежели сырость при нулѣ. Быстрая ѣзда по пустынному тракту по первопутью безъ встрѣчъ способствовала тоже нашему остыванію. Скорѣе нежели здѣсь ѣхали мы только по Барабинской степи. Тамъ мы среднимъ числомъ дѣлали по пятнадцати верстъ въ часъ. Въ степи, гдѣ катишься какъ по полу, тридцать верстъ утомляютъ менѣе нежели пятнадцать подъ Казанью.

Далѣе, ближе къ Перми, Вотяки очень ловко запрягали: нигдѣ мы не тратили такъ мало времени на остановки какъ въ Пермской и Вятской губерніяхъ. Вотяки впятеромъ въ

десять минутъ перепрягали; разъ мы благодаря этому сдѣлали 78 верстъ не выходя изъ саней. Это случилось въ день нашей самой быстрой ѣзды между Нижнимъ и Читою. Въ эти сутки мы сдѣлали 228 верстъ—скорость скромная сравнительно лишь съ желѣзнодорожнымъ и пароходнымъ движеніемъ. Самое скорое, мнѣ памятное, движеніе наше было между Нью-Іоркомъ и Ливерпулемъ, 24 іюня 1887 года, когда мы проплыли въ сутки 402 мили.

За Казанью ландшафтъ мѣняетъ свой характеръ: горизонтъ становится болѣе волнистымъ, холмы дѣлаются похожими на горы, ель является господствующею древесною породой вплоть до Урала. Около Арска мѣстность была живописна—это былъ какъ бы оазисъ среди пустыни. Въ городѣ Малмыжѣ у насъ чинили полозъ, изъ-за чего мы простояли два часа; такихъ долгихъ остановокъ мы не дѣлали: и чаепитіе, и отогрѣваніе наше больше часа никогда не продолжалось. За Малмыжемъ поднялась метель; къ шубамъ и дохамъ прибавили мѣховое одѣяло. Насъ такъ запорошило и замело что ямщики отгребали насъ совками и выгребали изъ повозки массу снѣга. Уже здѣсь, не миновавъ еще Урала, явилась опытность въ ѣздѣ, привычка къ ней и приспособляемость къ почтовому движенію—по самочувствію можно было судить о разстояніи: первый часъ ѣзды всегда было тепло; переѣзды между станціями продолжаются, въ среднемъ, часа два; когда становилось зябко, холодило спину и щипало носъ, можно было заключить что половина перегона сдѣлана; время опредѣлялось безъ часовъ и независимо отъ погоды и степени стужи.

Сейчасъ же за Казанью встрѣчаются большія села. Такихъ обширныхъ какъ тутъ селеній не видишь болѣе вплоть до Иркутска. Тамъ опять попадаются села похожія на города. Сибирскія селенія тянутся на версты; строенія стоятъ иной разъ въ одну улицу; дома расположены тѣсно, переулковъ нѣтъ; подлѣ дома высокія ворота, „оплоты“ (заборы), садовъ нѣтъ. Высокіе бревенчатые дома часто о двухъ этажахъ. Соломенныхъ крышъ не видно; типичной, мѣстной архитектуры не замѣтно—все шаблонно и просто; рѣзьба и украшенія встрѣчаются рѣдко. Гдѣ поглуше, вдали отъ городовъ, тамъ строенія мелки, съ плоскими земляными крышами. Подъ Пермью въ окнахъ убогихъ избъ вмѣсто стеколъ пузыри—брюшина коровья.

Сырой холодъ заставилъ насъ ночевать въ одной изъ станцій; но уснуть мы не могли: то гудѣлъ аристонъ, то слышалась гармоника. Взрывы смѣха среди громкаго разговора рядомъ

съ нашимъ помѣщеніемъ продолжались за полночь. Мѣсто это оказалось пьянымъ: мы выѣхали съ захмелѣвшимъ ямщикомъ на смоpенныхъ коняхъ. Овесъ, очевидно, пропивался, — мы нигдѣ болѣе не встрѣчали такой плохой почтовой пары. Кромѣ этой невзгоды нельзя было жаловаться ни на коней, ни на ямщиковъ. Далѣе нигдѣ намъ не пришлось „сидѣть“ изъ-за „нехватки“ лошадей: трактъ по которому мы ѣхали пустовалъ, стали ѣздить черезъ Уфу, Оренбургъ, минуя Томскъ, на Омскъ и Красноярскъ. Одни только встрѣчные и попутные обозы надоѣдали намъ. Когда вереницы ихъ тянулись сразу въ оба направленія, проѣзда не было. Здѣсь вощики—Татары, вооруженные кистенями которые торчатъ у нихъ на передкѣ саней. Между селеніями при дорогѣ разложены были костры, около которыхъ грѣлись группы вощиковъ. Самые интересные обозы—чайные караваны—встрѣтили мы только въ Забайкальѣ. „Золотой караванъ“, первый въ сезонѣ, попался намъ за Томскомъ.

Предпослѣдняя станція до Перми замѣчательна тѣмъ что всѣ 29 верстъ лѣсъ стоитъ сплошными стѣнами по обѣ стороны широкой дороги. Просѣка эта по „красному“ (еловому) лѣсу вьется широкими изгибами; по укатанной дорогѣ мы при лунномъ свѣтѣ мчались по этому чудному лѣсу.

Подъ самою Пермью послѣдняя станція была по мѣстному выраженію „открытая“, т. е. луговая, не лѣсная.

Въ Пермь мы въѣхали черезъ заставу со старинными ширококрылыми орлами на столбахъ.

Пермь менѣе оживленный городъ чѣмъ Казань; въ немъ широкія прямыя улицы, деревянные тротуары, извощичья такса—все это какъ въ Сибири; просторъ, безлюдье, отсутствіе ядра города—кремля, замка, крѣпости—въ Перми тоже дѣлаетъ ее похожею на города сѣверной Азіи. Въ Перми пришлось дополнить и безъ того уже сложный дорожный костюмъ. Мы запаслись тяжелыми, жесткими, точно деревянными, валеными сапогами „пимами“, которые составляютъ скорѣе футляръ для ногъ нежели обувь. Близость Сибири чуялась въ костюмахъ мѣстныхъ жителей: воротники шубъ были двойные, мѣховыя шапки на мѣху. Цѣны на все стали тоже сибирскія: на что мы привыкли расходовать копѣйки, за то мы платили тутъ рубли.

Изъ Перми мы выѣхали въ сумерки. Желѣзнодорожный вокзалъ красивъ, удобенъ, даже роскошенъ. Много народа толпилось на платформѣ—все больше гуляющіе по случаю вос-

кресенія горожане; провожающихъ было мало, ѣдущихъ еще меньше—почти никого. Безъ шума и суеты пасажиры заняли мѣста въ вагонахъ, всякій изъ нихъ занялъ сколько хотѣлъ мѣстъ. Движеніе здѣсь ночное: выѣхавъ въ $5^1/_2$ час. вечера изъ Перми, прибываешь въ 4 часа утра въ Тюмень. Изъ 35 часовъ ѣзды только въ теченіе 8 часовъ свѣтило намъ солнце; луна озаряла путь нашъ въ пятомъ часу дня. Черезъ Уралъ проѣздъ удобенъ и комфортабеленъ; вагоны чисты, на станціяхъ хорошіе буфеты. За Тюменью мы на пять лѣтъ простились съ рельсами и паромъ; въ широтахъ, въ которыхъ мы находились, вокругъ свѣта плыли пароходы и бѣгали поѣзда, но здѣсь вплоть до Владивостока тогда зимою былъ гужевой перерывъ обнимавшій всю Сибирь.

Уралъ, Барабинская степь, Байкалъ и Яблоновый хребетъ самыя замѣчательныя мѣстности между Москвою и Читою встрѣтившіяся на нашемъ пути. Будь они на стоверстномъ разстояніи другъ отъ друга — ихъ стоило бы посѣщать и любоваться ими; но разбросанныя на шеститысячномъ разстояніи верстъ они пропадаютъ и представляютъ слишкомъ мало интереса даже для самаго увлекающагося туриста-энтузіаста. Одинъ только Байкалъ можетъ считаться оригинальною, красивою и грандіозною по своему характеру мѣстностію — онъ одинъ и достоинъ только посѣщенія. Все остальное въ Сибири отъ Урала до Тихаго Океана заурядно. Однообразіе природы навѣваетъ тоску на путника проѣзжающаго по тракту. Мнѣ пришлось быть въ Сѣверной Америкѣ въ тѣхъ же широтахъ въ которыхъ я проѣзжалъ по Сибири: Новый Свѣтъ гораздо разнообразнѣе Стараго что̀ касается конфигураціи почвы, богатства растительности и смѣны дикой природы съ населенными мѣстностями. Не говоря уже о Скалистыхъ горахъ на прибрежьѣ Тихаго Океана и внутри материка, напримѣръ, около Великихъ озеръ и на западъ отъ нихъ встрѣчаются такія чудныя картины горной природы что Байкалъ сравнительно съ ними представляетъ мало интереса. Въ Сѣверной Америкѣ цѣлыми полосами, а въ Сибири лишь точками природа восхитительна и грандіозна. Кромѣ осени, мнѣ пришлось быть на Байкалѣ во всѣ времена года; я объѣзжалъ его берегомъ, переплывалъ его и переѣзжалъ его по льду, любовался имъ неоднократно, но горные ландшафты его и сравнить не могу съ тѣмъ что̀ видѣлъ въ Скалистыхъ горахъ въ Канадѣ. Но все-таки Байкалъ разнообразитъ Сибирь; когда изъ Москвы будутъ ѣздить во Владивостокъ въ вагонахъ, то слѣдуя Си-

бирью можно просидѣть за винтомъ и между роберами встать поглядѣть на прелести Байкала; а Уралъ переваливаютъ и теперь уже не замѣчая что находятся въ горахъ. Уралъ изъ вагона представляется холмистою лишь мѣстностію.

II.

Отъ „Европы“ до Иркутска.

Переѣздъ нашъ изъ Европы въ Азію совершился чудною ночью, при полной лунѣ и ясной погодѣ. Сейчасъ за Пермью пошли еловые лѣса на холмистой мѣстности вплоть до Тюмени. Только по долинѣ рѣки Чусовой были ущелья и на короткое время не стало видно холмистыхъ площадей и широкихъ горизонтовъ; рельсы лежали среди зеленыхъ стѣнъ елей, на подъемахъ виднѣлись верхушки елей, на вершинахъ сплошныя массы елей и вплоть до горизонта все темнѣли ели и ели. Станціи „Европа“, „Уралъ“ и „Азія“ относительно особенностей мѣстности не представляли исключенія,—даже станція „Уралъ“ на самомъ перевалѣ заурядна и не живописна. На станціи „Азія“ видъ хотя и панорамный и горизонтъ далекій, но кромѣ снѣга и елей тоже ничего не видно. Около Екатеринбурга мы были уже днемъ; городъ виденъ издали. Станція Нижне-Тагильскъ роскошна по архитектурѣ и внутреннему убранству. Городъ окруженъ хвойными лѣсами; онъ лежитъ въ обширной долинѣ окруженной невысокими горами,—трудно вѣрится что въ такой плоской, холмистой, но не горной мѣстности центръ горнозаводской дѣятельности. Общій видъ на Нижне-Тагильскъ издали таковъ же какъ вообще виды на сибирскіе города: сѣрая полоса деревянныхъ строеній въ зеленой рамкѣ лѣсовъ.

Солнце, еле поднявшись надъ горизонтомъ, въ четвертомъ часу закатилось; сумерекъ не было,—луна сейчасъ же послѣ вечерней зари ярко заблистала; разницы въ силѣ свѣта, казалось, было мало; на бѣломъ фонѣ снѣга все выдѣлялось рѣзко и отчетливо какъ днемъ. Природа крайне бѣдна между Тагилемъ и Тюменью; плоская равнина, мѣстами поросшая убогимъ кустарникомъ, тянется по обѣимъ сторонамъ пути; когда прислушаешься къ шуму колесъ, слухъ настолько притупится что не слышишь болѣе движенія поѣзда, и какъ въ

открытомъ морѣ при быстромъ ходѣ океанскаго парохода кажется что стоишь на якорѣ, потому что не съ чѣмъ сравнить проплываемое пространство моря, такъ и въ пустынной мѣстности чудится что стоишь на мѣстѣ, потому что изъ окна вагона виднѣются все тотъ же снѣгъ, все тѣ же березки и елки, все въ томъ же числѣ и той же формы.

Тюмень, „ворота Сибири“, жалкій городъ. Здѣсь конецъ желѣзнодорожнаго пути и начало воднаго. Мѣстность вокругъ города ровная, плоская; въ городѣ овраги и обрывы. Въ Тюмени мы купили укладистую казанскую повозку, въ которой прожили мѣсяцъ. Доѣхали мы въ ней до города Верхнеудинска за Байкаломъ, сдѣлавъ въ ней четыре тысячи верстъ; ее пришлось продать за безцѣнокъ, потому что дальше по Забайкалью и зимой трясутся на оси. За Верхнеудинскомъ пришлось ѣхать на перекладномъ экипажѣ, то на саняхъ, то на колесахъ, перекладывая каждые два-три часа всѣ свои вещи изъ саней въ сани, изъ повозки въ повозку, изъ саней въ повозку или наоборотъ; чѣмъ дальше, тѣмъ покойнѣе было ѣхать, — вещи знали свое мѣсто и намъ какъ бы дѣлалось просторнѣе при умѣлой раскладкѣ багажа.

Изъ Тюмени насъ везъ старикъ-ямщикъ имѣвшій обликъ звѣря; кромѣ шапки, на немъ были мѣховыя рукавицы, и весь онъ былъ мохнатый, въ козьей дохѣ съ двойнымъ воротникомъ. Онъ занималъ весь передокъ повозки своею длинношерстою фигурою. Громаднаго роста, въ тулупѣ подъ дохою, ямщикъ этотъ загораживалъ намъ видъ изъ-подъ намета, но глядѣть было не на что и дни и ночи проходили въ дремотѣ и снѣ. Отъ Тюмени до Багандинской станціи офиціальныхъ 29 верстъ, „ѣздовыхъ“ 32. Дорога самая безотрадная и унылая, все пространство необитаемо; вся равнина—не то лѣсъ, не то степь; деревья низки, корявы, стоятъ врозь, чащей нѣтъ; все кажется что выѣзжаешь изъ лѣса. Слѣдующая, Романовская, почтовая станція немногимъ лучше,—она лѣсиста, но тоже пустынна: на протяженіи тридцати верстъ мы миновали только двѣ заимки крестьянъ. Подъѣзжая къ Романовской станціи, когда мы слѣдовали селеніемъ, шапка за шапкой влетали къ намъ въ повозку. Съ этой станціи вплоть до Томска мы ѣхали на вольныхъ, и безъ подорожной. По шапкамъ кидали жребій и разбирали съ какимъ вольнымъ ямщикомъ намъ приходилось ѣхать. Какъ мы позднѣе узнали отъ людей бывалыхъ и знакомыхъ съ Сибирью, ѣхать въ одну повозку на вольныхъ большой рискъ. По здѣшнимъ мѣстамъ слѣдуютъ всегда въ два-три экипажа, и если

пускаются въ одну кошеву, то лежатъ въ ней втроемъ, вчетверомъ. Подъ конецъ ѣзды на дружкахъ подъ самымъ Томскомъ намъ объяснили что мы попали къ хорошимъ дружкамъ, что намъ „фартило“ (фартъ—счастіе), что мы „слѣдовали доброй путинки“, что наша „веревочка“ была надежная; изъ этого мы поняли что могло быть и иначе. Когда мы миновали глушь, ямщики подъ Томскомъ разказывали намъ, какъ бывало проѣзжихъ заваживали туда откуда они не возвращались. Сами же „дружки“, когда бо́льшая часть пути была уже сдѣлана и приходилось скоро брать почтовыхъ лошадей, предостерегали насъ отъ дружковъ, совѣтовали, такъ какъ мы были лишь вдвоемъ и объ одномъ экипажѣ, не ѣхать на вольныхъ, а брать почтовыхъ. Прописью подорожной на станціяхъ можно запечатлѣвать свой слѣдъ, вольная же ѣзда—ѣзда темная. Подъ городами гдѣ „бо́язно“ ямщики запрягали вторую повозку и ничего за нее не брали чтобы обратному ямщику не жутко было возвращаться.

Населеніе въ степи во многомъ отлично отъ населенія по тракту между Каинскомъ, Маріинскомъ и Ачинскомъ. По тракту и около городовъ населеніе бѣднѣе нежели въ степной глуши. Тамъ гдѣ много новоселовъ, недавнихъ переселенцевъ, и людей не по своей волѣ проживающихъ въ Сибири, тамъ все бѣднѣе и грязнѣе: скирды меньше, стога ниже, постройки неряшливо содержимы, помѣщенія тѣсны. При остановкахъ не на почтовыхъ станціяхъ даже тогда когда мы ѣхали по тракту, а въ обывательскихъ домахъ, намъ пришлось познакомиться съ разнообразными хозяйствами. Въ Сибири есть особенности быта и житейской обстановки; сибиряки всѣ по національности Русскіе, но живутъ разно: и домъ, и костюмъ, и упряжь, и лошади иные у казака, что̀ у поселенца или переселенца. Въ общемъ, въ западной Сибири живутъ богаче чѣмъ въ восточной; около Урала больше довольства и роскоши и достатокъ равномѣрнѣе распредѣленъ чѣмъ около Байкала. Вообще за Ураломъ вездѣ народъ избалованъ просторомъ, неприхотливъ, тяжелъ на подъемъ и лѣнивъ. Азіятскія черты характера—хитрость и склонность къ нѣгѣ и покою проглядываютъ у сибиряка. Русскаго добродушія у него меньше нежели можно бы было ожидать у него, потомка выходцевъ изъ Россіи. Въ сибирякахъ всего по-немногу—то Финнъ, то Осетинъ, то Монголъ, то Хохолъ проглядываетъ въ нихъ. Населеніе средней Россіи типичнѣе и своеобразнѣе: болѣе стойкіе типы встрѣчаются въ немъ. Преобладаетъ, однако, великорусское племя и

въ Сибири по Московскому тракту; между Ураломъ и Байкаломъ инородцевъ не встрѣчаешь.

Когда мы ѣхали на вольныхъ, монотонность казенныхъ станцій замѣнилась разнообразіемъ ямщичьихъ домовъ; то завертывали мы въ утлую хижину, то останавливались передъ двухъэтажнымъ домомъ. Вездѣ намъ былъ радушный пріемъ; семейства ямщиковъ и ихъ случайные гости подсаживались къ нашему чайному столу и разспрашивали про европейскую Россію. „Веревочка“ наша отличалась тѣмъ что лошади вездѣ были одинаковы хороши, а хозяева всегда разнаго достатка. За одну и ту же цѣну запрягали разное количество лошадей — отъ трехъ до шести. Перегѣзды были все большіе — верстъ по тридцати. Часа два-три ѣзжали мы не видавъ ни жилья, ни заимки, ни юрты, ни шалаша звѣролова. И телеграфные столбы, вѣчные спутники наши, покидали насъ дня на два, на три; иногда мы сворачивали съ тракта и ѣхали, какъ выражались ямщики, „цѣлиной“. Разъ чтобы миновать городъ Омскъ мы „пробѣжали по тетивѣ“ или „струнѣ“, то-есть, сократили путь минуя загибъ тракта. По окраинамъ Барабы — Барабинской степи — селенія не растянуты въ длину какъ обыкновенно на тракту; строенія въ нихъ стоятъ кучками, иногда даже не улицей, а какъ попало, вразбросъ. Утлыя лачуги обвалены навозомъ Огромные стога сѣна стоятъ около жилищъ и высятся надъ ними. Часто видны дерновыя крыши на жильяхъ и деревянныя трубы. Снѣга было много въ этой степной мѣстности. Съ Тюмени до Читы мы не встрѣчали ни одного селешія около котораго на околицѣ не было бы горъ навоза. Земля здѣсь сама родитъ, „наземъ“ вывѣтривается и пропадаетъ вывезенный и сваленный недалеко отъ жилья.

Лошади всегда были готовы для насъ, мы въ степяхъ нигдѣ не ночевали; ямщики запрягали не спросясь и часто приходилось спѣшить съ чаемъ. Прибывъ въ селеніе мы не останавливались на улицѣ, какъ то бывало передъ почтовыми станціями, а въѣзжали въ „оплотъ“ (заборъ) во внутрь двора. Ворота распахивались передъ нами, потому что домашніе ямщиковъ по гулу колокольчиковъ узнавали своихъ „дружковъ“. Въ богатыхъ домахъ мы по крутой лѣстницѣ подымались въ „горницы“; внизу полъ былъ устланъ сѣномъ или соломой; тамъ сушилась сбруя, „отходили“, а затѣмъ и грѣлись ямщики. Наверху полъ, косяки дверей, колоды оконъ, столы и лавки были мыты и выскоблены пескомъ; все блистало такою чистотой о которой у насъ въ крестьянскомъ быту и понятія не

имѣютъ. Стѣны и печи были бѣлены. Для быстраго разогрѣванія проѣзжихъ и ихъ клади при пріѣздѣ во всякое время дня и ночи около громадныхъ кирпичныхъ или каменныхъ печей стояли крошечныя желѣзныя печи. Въ иныхъ домахъ двери и окна раскрашены были яркими масляными красками. Въ этихъ размалевкахъ преобладали темнозеленые колера съ красными по такому же фону разводами. Узорчатыя, пестрыя самотканныя скатерти покрывали столы и угольники—трехугольные столики о трехъ ножкахъ въ углахъ комнаты; этотъ угольникъ за Ураломъ встрѣчается повсемѣстно. „Краснаго угла“, какъ то полагается въ русской избѣ, мы не встрѣчали. Иконъ въ ризахъ и богато украшенныхъ, иконъ древняго письма мы тоже не видали; лампадъ нигдѣ не было; передъ иконами поперекъ угла придѣлана планочка въ которую втыкаютъ или къ которой прилѣпляютъ восковыя свѣчи. Посуда и самовары подавались всегда чистыми, неизмѣнно при этомъ являлись и „калачики“. Это круглыя, витыя булки изъ непросѣянной пшеницы. Хлѣбъ этотъ темнѣе московскаго пеклеваннаго и свѣтлѣе ржанаго хлѣба. Часто вкусные, эти калачики были мерзлы насквозь; иной разъ они подавались теплыми, мягкими снаружи и мерзлыми внутри. Яицъ и молока въ этой степной мѣстности достать можно было въ изобиліи не глядя на постъ. „Ѣздоки“ по Сибири живутъ дорогой на чаю, калачикахъ, яйцахъ, молокѣ и пельменяхъ; только везутъ послѣдніе въ мороженомъ видѣ, въ мѣшкахъ. Въ ѣздѣ много испаряется влаги и потому является потребность пить что-нибудь,—„чаевать“, по сибирскому выраженію, приходится много и часто. Ямщики на дорогу спиртныхъ напитковъ не пьютъ, они по опыту знаютъ что крѣпкіе напитки ни въ маломъ, ни въ большомъ количествѣ въ дорогѣ не годятся; они говорили что если и мало выпить, садясь на козлы, пуще зябнешь нежели не выпивши ничего.

Проѣхавъ Ялуторовскъ среди бѣлаго дня, мы только по выѣздѣ изъ него, уже въ степи, отъ ямщика узнали что были въ городѣ; таковъ ужь городъ Ялуторовскъ что въ немъ самомъ его не замѣтишь; жалкій Тюмень и тотъ краше.

Названія слѣдующихъ до Ишима мѣстъ нашихъ остановокъ указывали что тутъ край еще новый, недавно заселенный; мы проѣхали Новозаимку, Вагапское Зимовье, Голышманово. Лошади здѣсь въ изобиліи,—чуть очередная тройка оказывалась послабѣе, безъ хлопотъ и толковъ задаромъ припрягали пару. За троечную цѣну везли насъ на пятеркѣ и на шестеркѣ при

двухъ ямщикахъ; передній изъ нихъ всю дорогу стоялъ въ салазкахъ соединенныхъ съ повозкой длинною „привязью“. Онъ погонялъ свою пару или тройку которая прокладывала слѣдъ по „убродистой“ дорогѣ. Здѣсь снѣга давали себя знать: мы иной разъ медленно двигались ныряя въ ухабы (по сибирскому „нырки“) и тащась по заметенному слѣду. Хорошо еще что намъ между Томскомъ и Тюменью не встрѣчалось обозовъ, этой главной препоны ѣзды. Съ Тюкалинска мы свернули съ тракта. Какими-то „путинками“, по словамъ ямщиковъ, мы перегона четыре ѣхали степью, „ударившись“ прямо на Еланскую почтовую станцію. Въ этой глуши намъ попались своеобразные ямщики, вѣроятно, судя по ихъ физическимъ качествамъ, ямщики-дилетанты, а не професіональные ѣздоки: у насъ сидѣли на козлахъ четырнадцатилѣтній мальчикъ, семидесятилѣтній николаевскихъ временъ гвардеецъ и болтливый весельчакъ—семипудовой толстякъ. Послѣдній ямщикъ, благодаря своему вѣсу, своимъ плохимъ конямъ и своей словоохотливости проморозилъ насъ пять часовъ, сдѣлавъ за это время всего 28 верстъ.

9-го декабря мы страдали отъ стужи: дулъ вѣтеръ и нагонялъ туманъ отъ котораго вся повозка снутри и снаружи заиндевѣла. Куда ни приткнешься, куда ни ляжешь, вездѣ кололи льдышки, повсюду щекотали иглы инея; на бородѣ накипѣла бѣлая пѣна инея, ее пришлось проковыривать пальцемъ чтобы дать проходъ воздуху. На всемъ лежали пушистыя подушки инея. Ямщики имѣютъ при себѣ особыя скрёбы которыми они на ѣздѣ чистятъ коней; особенно заботливо очищаютъ они имъ ноздри и глаза; конямъ при морозѣ и инеѣ не только трудно бѣжать, но они и запаливаются отъ накипа инея на ноздряхъ.

Около Еланской станціи настоящая степь—кромѣ снѣга и неба ничего не было видно; все сливалось въ общую массу грязновато-молочнаго цвѣта. Витаешь въ степи при пасмурной погодѣ зимою какъ въ безпредѣльномъ пространствѣ; чувство мѣста утрачивается, и впечатлѣніе является подобно тому что̀ на открытомъ морѣ въ пасмурную погоду или туманъ, когда ни подъ собою, ни надъ собою не видишь ничего опредѣленнаго. Трое сутокъ ѣхали мы Барабой—сѣрое небо, снѣгъ, тычки, телеграфные столбы и все то же и то же. Чѣмъ пустыннѣе, чѣмъ открытѣе мѣсто, тѣмъ чаще стояли тычки и стояли иногда двойнымъ рядомъ въ немногихъ шагахъ другъ отъ друга. За безлѣсьемъ здѣсь вмѣсто вѣхъ изъ ели или сосны ставятъ колья, сучки.

Вездѣ по тракту дорога извивается, но нигдѣ она такъ не змѣится какъ по Барабѣ. „Лѣтникъ“—это то направленіе, по которому слѣдуютъ на колесахъ. Онъ опредѣляетъ направленіе излишняго пути; болотистая, сырая мѣстность здѣсь заставляетъ пробираться среди кочекъ по гатямъ, мостикамъ, принуждаетъ часто объѣзжать „потныя мѣста“, „мочи“ и трясины. Зимою, казалось, можно было бы ѣхать по компасу, но кони пробираются по еле замѣтному, имъ знакомому извилистому слѣду. Ямщикъ порой ничего не видитъ и, понукая коней, полагается на нихъ. Лошади не глазомъ, а ощупью находятъ слѣдъ и, чуть сбившись съ него, торопливо, боязливо жмутся другъ къ другу пока, пошатавшись въ стороны, не найдутъ подъ собою „путинки“. И между тычками можно промахнуться—заѣхать въ яму, наткнуться на кочку; кони, зная что есть слѣдъ, никогда не побредутъ по „цѣлинѣ“, а всегда отыщутъ твердое, уже ѣзженное мѣсто.

Чѣмъ глубже въ степь, тѣмъ ѣзда становилась быстрѣе; иногда неслись мы такъ что духъ захватывало. Сани по временамъ не успѣвали нырнуть въ ухабъ и на лету миновали выбоины. Полозья такъ нагрѣвались что при остановкѣ сани примерзали. Свѣжая тройка, бывало, рвала ихъ во всю мочь, теребила, расшатывала ихъ, пока не заставляла ихъ снова скользить. Дабы избѣжать примерзанія опрокидываютъ повозки, но съ ѣздовою повозкой это неудобно дѣлать клади ради; „простую“, т. е. пустую повозку на станціи сейчасъ же по пріѣздѣ ставятъ „дыбомъ“ или опрокидываютъ ее.

Крошечный городъ Каинскъ мы проѣхали на зарѣ. По улицамъ тянулась первая изъ видѣнныхъ нами партія арестантовъ. Въ Сибири прозвище арестантовъ „несчастными“, „несчастненькими“ слышится рѣже чѣмъ въ Россіи, можетъ-быть потому что въ Сибири арестантовъ ближе знаютъ и лучше знаютъ существующіе между ними обычаи и нравы ихъ.

Вдоль рѣки Иртыша намъ пришлось ѣхать въ свѣтлую лунную ночь. Берегъ, мѣстами высокій, обрывистый, живописенъ. Послѣ горизонтальныхъ степей кручи надъ рѣкою были пріятною смѣной впечатлѣній. Доселѣ мы спускались съ Урала и ѣхали равниной; у Иртыша былъ первый подъемъ; здѣсь была первая ступень нашего движенія въ гору; мы добирались до высокаго мѣста: Чита городъ лежащій надъ уровнемъ моря выше всѣхъ сибирскихъ городовъ.

Въ Искульской станціи вода была солончаковая; мѣстные жители привыкли, какъ они выражались, „пить горькую воду

съ мошками". По тракту вода все хорошая и вообще въ Сибири не то что въ Средней Азіи: вездѣ чудные ключи, горныя рѣки и источники.

Подъ городомъ Колыванью мы ночью ѣхали на шестеркѣ съ провожатымъ на тройкѣ. При насъ было, значитъ, три ямщика. Мы при этомъ подвижномъ составѣ заплатили тѣ же восемь копѣекъ за версту что платили по всему тракту на вольныхъ отъ Романовской станціи близь Тюмени вплоть до Томска. Лишекъ противъ казенной цѣны былъ три съ половиною копѣйки на версту. „Подъ городами шалятъ", слышно было по пути. Каинскъ, Маріинскъ и Ачинскъ назывались „опасными" и потому насъ не пустили однихъ. За Красноярскомъ разговоры о „шалостяхъ" прекратились; тамъ говорили только объ ограбленіи чайныхъ каравановъ, а не людей. Разбойники на бѣлыхъ коняхъ, одѣты во все бѣлое и имѣютъ бѣлые брезенты при себѣ. Срѣзавъ съ возовъ цыбики чая, они скрываютъ ихъ подъ брезентами, и на бѣломъ фонѣ снѣга они сами и операція ихъ въ пасмурную ночь остаются незамѣченными. Сперва не вѣрилось сказкамъ о бѣлыхъ грабителяхъ; позднѣе же, когда сами караванные вощики имѣвшіе стычки съ этими разбойниками подтвердили мнѣ эти разказы, я узналъ что на ухабахъ гдѣ большіе раскаты грабители прячутся за кусты и срѣзываютъ съ саней цыбики, предварительно покрывъ ихъ брезентами. Не менѣе двухъ „объѣздныхъ" въ легкихъ саняхъ на рѣзвыхъ лошадяхъ безпрерывно всю ночь кружатся вокругъ чайныхъ обозовъ; но несмотря на ихъ бдительность, все-таки случаются грѣхи.

Подъ городомъ Колыванью глубокій оврагъ; за нимъ идутъ крутые подъемы, начинается мѣстность не похожая на ту которую мы проѣзжали начиная съ самаго Урала: вмѣсто голой степи встрѣчаются за Колыванью холмы и пригорки покрытые лѣсомъ. Переходъ отъ голой степи къ холмистой, покрытой лѣсами мѣстности нигдѣ вдоль нашего пути не былъ столь рѣзокъ какъ подъ Колыванью.

На послѣдней передъ Томскомъ станціи мы попали въ домъ Татарина-дружка. Подъ Томскомъ пошли татарскія селенія, надъ коими высились жидкія, тонкія мечети съ жестянымъ полумѣсяцемъ.

Городъ Томскъ издали не виденъ съ тракта: онъ закрытъ яромъ когда подъѣзжаешь къ нему изъ рѣчной долины. По гладкому прозрачному насквозь льду мы перебрались черезъ рѣку и въѣхали въ нижнюю (есть и нагорная) часть города

черезъ заставу, на столбахъ которой ширококрылые орлы и надпись 1604—годъ основанія города.

Первое что̀ намъ бросилось въ глаза при въѣздѣ въ Томскъ былъ университетъ. Всѣ зданія этого высшаго учебнаго заведенія грандіозны; они вѣнчаютъ холмъ, мимо котораго проѣзжаешь направляясь по главной улицѣ въ центръ города. Гостиница, носящая названіе „Европейской“, не въ европейскомъ вкусѣ: особенно поразили насъ обычаи и привычки въ ней проѣзжающихъ; останавливавшіеся въ ней гости довольствовались сами, везли съ собою дорожную провизію, прислугу, тюфяки, подушки и требовали одинъ только самоваръ.

Томскъ—городъ расположенный не живописно: ни издали, ни вблизи онъ не красивъ и въ немъ самомъ мало интереснаго. Ни памятниковъ древности, ни современныхъ, чѣмъ-либо замѣчательныхъ учрежденій въ немъ нѣтъ; городъ Томскъ расположенъ зря, построенъ безъ плана; онъ росъ и расчетъ какъ попало; часть его въ низинѣ, часть—подъ яромъ, часть—на высотахъ. Главная улица вся въ подъемахъ и спускахъ. Строенія неровны: мелкія изъ нихъ на бо́льшихъ улицахъ, крупныя—на окраинахъ; центра города нѣтъ. Университетъ стоитъ вдали, какъ бы на окраинѣ, рядомъ съ госпиталемъ и тюремнымъ замкомъ. Зданія Томскаго университета гораздо обширнѣе и объемистѣе зданій Берлинскаго и Лондонскаго университетовъ.

16-го декабря 1888 года мы выѣхали изъ Томска; сейчасъ же за городомъ насъ стали задерживать встрѣчные и попутные обозы. Первые были исключительно чайные; они везли байховые и кирпичные чаи. По разчетамъ торговцевъ въ Томскѣ, намъ до Иркутска слѣдовало встрѣтить 17 тысячъ лошадей нагруженныхъ чаемъ. Каждая лошадь везетъ грузъ легкій и малыхъ размѣровъ, но цѣнный: на каждыхъ саняхъ лежитъ товара чуть ли не на тысячу рублей. Мы собственно могли встрѣтить только 12 тысячъ подводъ въ ѣздѣ, такъ какъ 5 тысячъ должны были быть во дворахъ на кормежкахъ. На сотни могла быть ошибка, но не на тысячу, какъ говорили намъ люди знакомые съ чайнымъ дѣломъ. Масса лошадей встрѣчаемыхъ до Иркутска изумительна; на цѣлыя версты тянутся обозы. Узкій путь лѣсами ведетъ къ столкновеніямъ; мы раза два чинили отводы которые лопались на раскатахъ, ударяясь объ обозныя сани. Доставалось и вощикамъ: у нихъ хрустѣли оглобли, трещали сани. На морозѣ дерево бьется какъ стекло, крѣпкіе березовые отводы щепались и переламывались даже

при легкихъ ударахъ. Всего непріятнѣе было когда одна пристяжная въ тѣснотѣ залѣзала въ оглобли; двѣ лошади, стиснутыя, рвались и мучились пока не лопалась упряжь. Раза два такіе „клещи", какъ это называли ямщики, подолгу задерживали насъ; приходилось чинить шлеи и навѣшивать постромки, —работа на морозѣ очень кропотливая. Самое серіозное приключеніе было когда у насъ лопнулъ гужъ и мы на веревкахъ должны были ѣхать верстъ пять.

Ночь на 17-е декабря мы не спали. Первая ночь въ ѣздѣ послѣ остановки, даже суточной, всегда проходила безъ сна; на вторую ночь ѣзды къ утру всегда спалось; съ третьей ночи все дальнѣйшее время на-половину проходило во снѣ. Просыпать станцій, какъ то случается въ вагонѣ, не приходится. Перестанешь пасивно двигаться, умолкнетъ колокольчикъ—и проснешься: не шумъ, а тишина будитъ. То же самое было и безъ остановокъ, когда колокольчикъ, потерявъ языкъ, переставалъ биться; случай что обрывался языкъ бывалъ крайне рѣдко,—изъ четырехсотъ колокольчиковъ которые звенѣли намъ „онѣмѣло" не болѣе пяти. Иногда на станцію не хотѣлось идти грѣться, иногда лѣнь бывало выходить изъ экипажа, но неминуемая прописка подорожной и денежные разчеты всегда заставляли вылѣзать изъ саней. Незамѣтно при этомъ являлся ямщикъ который заявлялъ себя „старымъ ямщикомъ" и ждалъ на чай. Часто приходилось спрашивать и освѣдомляться дѣйствительно ли онъ та личность которая сидѣла на козлахъ послѣдній перегонъ. Ямщикъ въ ѣздѣ не похожъ на самого себя, не похожъ на того кто является за „на-чаекъ": шали обматываемыя вокругъ шеи, завязки ушей, дохи дѣлаютъ ямщиковъ совершенно неузнаваемыми. Стужа, вѣтеръ, иней и ледяныя сосульки молодыхъ дѣлаютъ стариками; морозъ румянитъ стариковъ, превращая дряхлыхъ въ молодцовъ. Побѣлѣвшіе отъ мороза носы и щеки у ямщиковъ въ западной Сибири встрѣчаются часто, но чѣмъ дальше на востокъ тѣмъ менѣе встрѣчаешь случаевъ отмораживаній; въ Забайкальѣ и Якутской области обезображенныя отъ мороза лица составляютъ рѣдкость. Путники по тракту начиная съ Томска вооружены; у купцовъ, ихъ прислуги и вообще всѣхъ проѣзжающихъ за кушакъ засунутъ револьверъ; оружіе всегда носится открыто, на-показъ. Болѣе надежную охрану чѣмъ револьверъ составляютъ попутчики. То къ намъ приставали, то мы приставали къ ѣдущимъ въ своихъ повозкахъ. Мѣстами ямщики ночью не везли въ одну повозку и заставляли насъ ждать

разсвѣта. Совмѣстная ѣзда имѣла свои пріятныя стороны и свои неудобства. „Ѣздоки“ по Сибири пили слишкомъ скоро чай, — я съ женою за ними не поспѣвалъ. Часто эти „бывалые люди“ не давали намъ хорошо прогрѣться. Ѣхавшіе со своею прислугой скорѣе нашего кончали выкладку, закуску и уборку. Чтобы не потерять попутчиковъ, приходилось недоѣдать, недопивать и недогрѣваться. За то въ компаніи ѣхать было веселѣе. На станціяхъ когда въ комнату вваливало разомъ человѣкъ десять самоваръ скорѣе закипалъ, шумѣлъ громче и хозяева станціи и „каморникъ“ были расторопнѣе. Вокругъ стола собиралось разнообразное, пестрое общество. Какъ и во всемъ мірѣ по дорогамъ, такъ и по Московскому тракту, разумѣется, преобладало купечество. Оно было всѣхъ степеней: начиная съ миліонера ѣхавшаго на пуховикахъ, въ енотовой шубѣ, въ крытомъ возкѣ, съ прислугою на козлахъ, и кончая мелкими торговцами которые вчетверомъ и впятеромъ жались въ открытой рогожной кошевѣ. Чиновныхъ людей встрѣчалось мало. Два-три моряка спѣшившіе на Тихій Океанъ вдогонку за эскадрой, мѣстныя власти (исправники и засѣдатели) и почталіоны были единственными на службѣ состоящими лицами которыхъ мы обгоняли. Кромѣ Русскихъ, между проѣзжими было много и Евреевъ, встрѣчались Татары и Китайцы. Послѣдніе ѣхали все парами; они были крайне вѣжливы и угощали всѣхъ чаемъ, сушеными фруктами и пастилой; они не курили опія, хотя отъ нихъ несло какимъ-то особеннымъ запахомъ схожимъ съ опійнымъ чадомъ. Въ Сибири на станціяхъ виситъ объявленіе запрещающее курить опій даже когда никого посторонняго нѣтъ въ почтовомъ помѣщеніи. Китайцы картавили, но бойко говорили по-русски. Они всѣмъ говорили на ты, звали всѣхъ пріятелями, и говорили: лубели, хоашо, ашинъ. Когда проѣзжающіе усаживались за столъ, всѣ сыпали свой чай въ одинъ чайникъ; сибиряки „бѣлили“ чай,—пили его съ молокомъ; сѣверо-восточные жители Сибири пили его съ масломъ, распуская въ чаю „скотское“ (коровье) масло и размачивая въ немъ булку. Водку пили почти всѣ проѣзжіе, но крайне умѣренно; шумныхъ компаній, людей закутившихъ дорогой мы не встрѣчали, всѣ спѣшили, на дорогу смотрѣли какъ на дѣло серіозное и пустяками не забавлялись. Разговоры начинались съ того, кто куда ѣдетъ и зачѣмъ, далѣе шли толки о разстояніяхъ, прикидывали время необходимое на проѣздъ, давали другъ другу совѣты.

Города Маріинскъ и Красноярскъ мы проѣхали ночью.

Въ послѣднемъ городѣ мы замѣтили то чего въ нашу бытность въ Сибири не было ни въ одномъ изъ видѣнныхъ нами городовъ,—уличное освѣщеніе. Спустившись подъ самымъ городомъ на Енисей, мы вдругъ остыли: на огромной рѣкѣ насъ такъ проняла стужа что ни дохи, ни мѣховое одѣяло не грѣли и пришлось укрыться кошмами съ головами. Морозъ все крѣпчалъ, и мы долго „отходили“ на станціи,—подъ дохой полушубокъ насквозь остылъ, сдѣлался жесткимъ; ноги окоченѣли въ пимахъ. Съ этой станціи мы стали придерживаться пріемовъ ѣздоковъ: дохи оставляли въ сѣняхъ чтобъ онѣ не „потѣли“, мѣховое платье не снимали тотчасъ по пріѣздѣ, а давали ему прогрѣться на насъ самихъ; раздѣвались медленно, пимы клали тотчасъ по пріѣздѣ въ печь, въ вольный духъ: въ печь—по вечерамъ, на печь—по утрамъ и днемъ. Станціонныя помѣщенія настолько теплы что въ тепломъ, но не мѣховомъ платьѣ не холодно; послѣ чая, бывало, такъ разгорячишься что тепла хватаетъ на часъ времени и болѣе. Первую половину переѣзда не зябнется, и только съ „половины станка“ сперва похолодѣетъ спина, а затѣмъ и ноги начинаютъ стыть. Трудно бывало вылѣзать изъ повозки—все такъ примерзаетъ другъ къ другу что приходится отдирать себя отъ повозки; особенно жестко становилось покрывало ногъ: мѣховое одѣяло, кошмы и кожаный фартухъ повозки—все это деревенѣло, ломалось, хрустѣло когда ямщики слой за слоемъ отдирали покрышки и вылупляли насъ изъ-подъ нихъ.

Въ городѣ Канскѣ мы пробыли двое сутокъ; морозъ былъ самый жестокій который пришлось испытать въ Сибири. Спиртъ упалъ до 46 градусовъ Реомюра и держался такъ всю ночь и утромъ 23-го декабря. Въ полдень когда мы ѣхали было 42 градуса. Въ эти дни въ комнатахъ было 10 градусовъ тепла несмотря на то что печь была раскалена и отъ сильной топки потрескалась. Ставни въ большихъ окнахъ были закрыты весь день, свѣтъ проникалъ чрезъ зимнія крошечныя окошечки о трехъ рамахъ. Стекла во многихъ домахъ потрескались въ эти дни. Въ помѣщеніи гдѣ мы стояли иней и ледъ на глазахъ наростали на окнахъ, ледъ стаивалъ и опять накипалъ, отъ оконъ шелъ паръ, съ нихъ капало, по веревочкамъ съ нихъ стекала вода въ подставленныя на полу бутылки. На дворѣ весь день стоялъ густой туманъ который рѣзко отдѣлялся отъ бѣлесоватаго неба. Изъ каждой трубы клубился дымъ; онъ медленно подымался столбомъ и расплывался высоко надъ туманомъ. Солнце не разогнало

тумана, а стояло надъ нимъ краснымъ дискомъ безъ лучей. Послѣ полудня туманъ зашевелился, ходилъ, переливался и совсѣмъ заслонялъ солнце которое не грѣло, а на время переставало и свѣтить. Солнце фонаремъ стояло надъ сѣрымъ туманомъ; предметы не давали тѣни. Мгла при безоблачномъ небѣ продолжалась до ночи. Тишину нарушала топившаяся печь, въ которую то и дѣло подкидывали массу трескучихъ сосновыхъ дровъ; смолистая древесина щелкала и шипѣла, въ трубѣ отъ сильной тяги стоялъ гулъ. Подъ окнами полозья саней то свистѣли, то хрустѣли. Шаги рѣдкихъ пѣшеходовъ слышны были издали; въ мягкихъ пимахъ они топтали точно каблуками сапоговъ или деревянными подошвами—до того все было жестко сковано морозомъ. Колокольчики почтовыхъ паръ брякали сухо, отрывисто и скоро замирали въ густомъ воздухѣ; за то полозья пѣли; высокія, протяжныя ноты слышались при каждомъ проѣздѣ саней. Время отъ времени долетали звуки похожіе на выстрѣлы—это трескались строенія и лопалась земля; ледяная кора покрывавшая почву сжималась и рвалась.

До Канска еще жена стала прихварывать; въ Канскѣ она слегла, такъ что не одинъ морозъ заставилъ насъ прервать на время наше быстрое движеніе на востокъ. При гужевой ѣздѣ совершенно отрѣшаешься отъ остальнаго міра: гонишь впередъ, занятъ только мыслію какъ бы поскорѣе и потеплѣе добраться со станціи на станцію. Въ вагонѣ и почитаешь, на пароходѣ и попишешь; слѣдуя на почтовыхъ лошадяхъ только при такихъ вынужденныхъ остановкахъ подобно нашей въ Канскѣ можно заглянуть въ газеты и снестись съ кѣмъ-либо письменно. Чѣмъ дальше ѣдешь по Сибири, тѣмъ спѣшка дѣлается больше; сердишься на долго незакипающій самоваръ, на неповоротливыхъ ямщиковъ, на морозъ который не даетъ скоро закладывать, превративъ постромки въ палки, сковавъ сбрую въ желѣзные прутья.

Изъ Канска вплоть до Иркутска мы ѣхали все въ гору и все лѣсами. Виды тутъ бывали живописны; особенно красивы были сосновые лѣса запушенные инеемъ. По Московскому тракту древесная растительность начавшись отъ Канска идетъ до Верхнеудинска, за которымъ полоса малолѣсная и степная. Лѣса сибирскіе по тракту не густы, деревья стоятъ вразбросъ; гиганты - сосны, лиственницы и березы стоятъ надъ мелколѣсьемъ. Лѣсные пейзажи чудны были при утрен-

немъ освѣщеніи: попадались чарующіе мотивы на зарѣ: переливы нѣжныхъ розовыхъ и фіолетовыхъ цвѣтовъ въ лѣсахъ въ ясную погоду при морозѣ восхитительны. Чѣмъ сильнѣе морозъ, тѣмъ бѣлесоватѣе казался небосклонъ; лазурь постепенно съ увеличеніемъ стужи переходила въ зеленоватый тонъ; въ сильные морозы солнце безъ лучей свѣтило съ безоблачнаго, безцвѣтнаго неба. Подобно электрическому фонарю, оно не грѣло и освѣщало все безъ видимыхъ лучей. Коротки были дни, и до заката солнца еще серебрилась луна. При лунномъ блескѣ снѣжные ландшафты тоже были великолѣпны. Нѣтъ луны—звѣзды заблещутъ; нигдѣ не видалъ я такихъ яркихъ съ фосфорическимъ блескомъ мерцающихъ звѣздъ какъ въ этихъ мѣстностяхъ; чистый воздухъ позволялъ разглядѣть свѣтила небесныя надъ самымъ горизонтомъ. Послѣ тумановъ около Урала, снѣговъ въ Барабинской степи, мы здѣсь, приближаясь къ Иркутску, все какъ бы преодолѣли; къ морозамъ стали привыкать и повеселѣли отъ чудной ясной погоды и ѣзды по накатанной неухабистой дорогѣ. Тайги мы не видали; она верстахъ въ 20, 30 отъ тракта; по проѣзжей дорогѣ лѣса повырублены, и дикая природа далека отъ наѣзженнаго, торнаго пути.

Сейчасъ же за Бояроновской станціей Бояроновская гора,—самый крутой и высокій подъемъ между Томскомъ и Иркутскомъ. Послѣ этой кручи идутъ все подъемы уступами: горъ не видно, а ѣдешь все въ гору. Вообще по Московскому тракту между Ураломъ и Байкаломъ нѣтъ горъ. Есть только плоскія возвышенности безъ вершинъ, скатовъ и подошвъ; чѣмъ ближе къ Иркутску, тѣмъ все болѣе подымаешься и все менѣе спускаешься соотвѣтственно подъему. Почва въ этихъ мѣстностяхъ илистая, глинистая, песочная, черноземная, а скалъ и каменистаго грунта нѣтъ. Въ общемъ, дорогу между Ураломъ и Байкаломъ можно назвать скучною.

Весь переѣздъ отъ Бояроновской станціи идетъ сплошнымъ лѣсомъ; верстъ тридцать ѣдешь въ зеленыхъ стѣнахъ; видовъ нѣтъ никакихъ, все только снѣгъ и ели, снѣгъ и сосны, крупнолѣсье и мелколѣсье, цѣлые десятки верстъ безъ прогалинъ и полянъ. Лишь въ долинѣ Уды, подъ городомъ Нижнеудинскомъ обширные заливные луга; здѣсь виды дальніе и дорога не „трубой“, какъ ямщики называютъ дорогу по лѣсу. Городъ Нижнеудинскъ мы проѣхали въ день праздника Рождества. Сейчасъ же за городомъ мы обогнали партію ссыльныхъ; отдѣльно отъ прочихъ, въ саняхъ сидѣли арестанты въ ено-

товыхъ шубахъ, съ респираторами и въ бобровыхъ шапкахъ; около нихъ шагали конвойные. Звонъ цѣпей въ морозное утро особенно звонко раздавался въ лѣсу. На Курзанской станціи мы были въ полночь; сейчасъ за селеніемъ крутой подъемъ съ длиннымъ объѣздомъ. Дорога была накатана, ровна, и мы скоро по выѣздѣ заснули. Сонъ нашъ прерванъ былъ толчками; мы замѣтили что пятимся назадъ, а не ѣдемъ впередъ, повозка скользила подъ гору, и лошади не могли взять. У подошвы нѣсколько разъ пытались вогнать лошадей кверху, но напрасно: ни заводъ тройки бокомъ на гору, ни попытки въѣхать на гору вскокъ не удавались; двѣнадцать верстъ пришлось ѣхать обратно. По близости селеній не было и вольныхъ лошадей взять было негдѣ. Со станціи свѣжая тройка шутя втащила насъ въ эту гору. Вторично выѣхавъ со станціи, мы и не замѣтили мѣста нашего спалзыванія, проспали тотъ подъемъ на которомъ маялись. Въ ѣздѣ много значитъ ямщикъ; будь при первыхъ лошадяхъ посѣдѣвшій на козлахъ ѣздокъ, мы навѣрно не потратили бы даромъ столько времени. Теперь почта стала намъ мѣшать, отбирая у насъ лошадей; на Кимильтейской станціи мы изъ-за нея взяли вольныхъ. За этою станціей за рѣкой Окой и Зимой идутъ живописныя мѣста. До Тыретской станціи верстъ на тридцать тянется самая красивая между Томскомъ и Иркутскомъ (вѣрнѣе—между Москвой и Иркутскомъ) мѣстность. Тутъ природный паркъ; сосновый боръ стоитъ на холмахъ которые тянутся вдоль рѣкъ. Сосны здѣсь громадныя; онѣ стоятъ рѣдко, на отлетѣ другъ отъ друга; надъ мелкимъ лѣсомъ онѣ образуютъ чудныя группы. Мы ѣхали въ тихую, ясную погоду; темнозеленыя верхушки сосенъ на синевѣ неба, густая чаща лѣса запорошеннаго инеемъ подъ ними, узкая полоса дороги, просвѣты между ярко желтыми стволами—все это составляло ландшафты которыми нельзя было не залюбоваться. Картины лѣса постоянно мѣнялись передъ нашими глазами, и заря долго горѣла заливая пурпуромъ верхушки сосенъ въ то время какъ мелкій лѣсъ и долины задернуты были сѣрою мглой, и синіе тоны лежали на всемъ первомъ планѣ картины.

На Черемховской станціи мы впервые встрѣтили Бурятъ. Это были первые инородцы которыхъ мы видѣли послѣ Татаръ подъ Томскомъ. По всему тракту живутъ Русскіе; западная Сибирь по населенію похожа на Европу, лишь за Байкаломъ начинается азіятчина. Монголо-Буряты по образу жизни и быту своему походятъ на Калмыковъ и Киргизовъ и на другіе среднеазіятскія племена. Путнику доѣхавшему изъ Москвы до Ир-

кутска можетъ казаться что онъ еще не выѣзжалъ изъ Европы; азіятскаго, восточнаго колорита еще нѣтъ по этому пути: ни обликъ людей, ни костюмъ ихъ, ни жилища, ни сама природа не носятъ азіятскаго отпечатка; лишь за Байкаломъ пойдутъ кочевья, юрты, кумирни, дацаны, и лишь тамъ увидишь узкоглазыхъ желтыхъ азіятовъ.

Почта подъ Иркутскомъ стала обижать насъ; она отбирала подъ себя всѣ почтовыя „пары“ и принудила насъ три ночи сряду ночевать на станціяхъ въ то время какъ городъ и притомъ столица Сибири былъ вблизи. Гдѣ обѣ почты, московская и иркутская, скрещивались, тамъ всѣ десять паръ бывали въ разгонѣ. Мы даже разъ ночевали съ „дополнительною почтой“ которая раздѣляла нашу участь и тоже „сѣла“. Весь коридоръ станціи былъ заваленъ тюками, сумками и баулами. Досадно было что и на Боковой станціи, почти въ виду города Иркутска пришлось ночевать изъ-за разгона лошадей. Чѣмъ ближе къ Иркутску, тѣмъ селенія богаче, обширнѣе и опрятнѣе. Большое село Тельми съ двухъэтажными домами и постройками похожими на городскія мы проѣхали въ сумерки. Наконецъ, завидѣли мы за крутымъ яромъ Иркутскъ. Иркутскъ съ трехъ сторонъ окруженъ Ангарой въ плоской мѣстности, горы видны только вдали. Ангара—извѣстная красавица; чудна она лѣтомъ, чудна и зимою. Когда мы къ ней подъѣзжали, она похожа была на альпійскій глетчеръ; ледъ на ней стоялъ дыбомъ, былъ какъ бы взъерошенъ, ровнаго мѣста на рѣкѣ не было; куски льда торчали въ хаотическомъ безпорядкѣ. Когда мы подъѣхали къ этой кудрявой рѣкѣ, можно было разглядѣть прозрачныя какъ стекло глыбы льда. Синеватые тоны на льду переходили въ бѣловатые, мѣстами на солнцѣ льдины играли радугой, искрились и блистали; сквозь льдины виднѣлись другія льдины. Какъ бы хрустальныя массы окружали насъ когда мы шагомъ перебирались въ городъ. Ангара только-что стала и потому ни снѣгомъ не была занесена и не вывѣтрилась еще. Острые края льдинъ при взглядѣ на нихъ искажали видъ берега какъ стеклянныя призмы.

П. С. Алексѣевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КАКЪ, БЫВАЛО, ѢЗЖАЛИ.

Воспоминанія о проѣздѣ зимою изъ Москвы въ Читу.

III *).

Отъ Иркутска до Посольска.—Переѣздъ черезъ Байкалъ по льду.

Иркутскъ поразилъ насъ своею величиной и массою каменныхъ зданій. Ни вблизи, ни издали онъ не похожъ на сибирскіе города, такъ много европейскаго встрѣчаешь въ немъ.

Въ Иркутскъ мы въѣхали днемъ. Благодаря снѣжному покрову и малой ѣздѣ по улицамъ, Иркутскъ показался намъ чистымъ городомъ. Проѣзжая къ центру города, мы миновали на большомъ пустырѣ возвышающіяся развалины гостинаго двора. Говорятъ что развалины этого зданія живописнѣе нежели было само зданіе до пожара. Обывательскіе дома заурядной, шаблонной архитектуры; мало между ними строеній приближающихся по постройкѣ и убранству къ строеніямъ столичнымъ. Дворцы золотопромышленниковъ и сибиряковъ архимиліонеровъ теряются среди всякой мелкоты, и аристократическаго квартала въ Иркутскѣ не найдешь. Иркутскъ, богатый учебными заведеніями, въ нашъ проѣздъ не имѣлъ книжной лавки, ежедневной газеты. При насъ увядала широко проектированная грандіозная гостиница — Московское подворье. Эта на европейскій ладъ устроенная гостиница не пришлась ко двору: малочисленные путешественники по Сибири не требовательны; они довольствуются почто-

*) Продолженіе. См. *Русскій Вѣстникъ*, октябрь, 1899 г.

вою станціей, заѣзжею избой, постоялымъ дворомъ; дикарь и въ столицѣ ищетъ гдѣ попроще и подешевле, его не заманишь туда гдѣ онъ стѣсненъ приличною обстановкой.

Во время пребыванія нашего въ Иркутскѣ мы замѣчали что только около полудня улицы нѣсколько оживлялись, но тѣсноты, шума и толкотни на нихъ не бывало, а время года должно было быть самое оживленное для городской жизни: чудная зимняя погода, святки, время съѣзда въ городъ золотопромышленниковъ и ихъ довѣренныхъ, чайныхъ торговцевъ и ихъ агентовъ,—время когда и чиновники не любятъ быть въ командировкахъ. Ни оживленія большаго города, ни чего-либо азіятскаго, характернаго для значительнаго на востокѣ центра мы не встрѣтили. Одни Китайцы придавали всему нѣкоторый азіятскій колоритъ. Китайцы торгуютъ всяко: вразносъ съ лотковъ, въ балаганахъ, лавочкахъ, магазинахъ, складахъ. Они и мелкіе торговцы, и представители крупнѣйшихъ фирмъ. Ходятъ они безшумно въ туфляхъ на толстыхъ войлочныхъ подошвахъ; одѣты они въ ватныя панталоны и курмы на мѣху. Уши у нихъ въ футлярахъ: они носятъ искусно сдѣланные и расшитые разноцвѣтными шелками наушники. Когда эти наушники оторочены мѣхомъ, Китайцы имѣютъ потѣшный видъ: ушастыя головы ихъ въ ермолкахъ, изъ-подъ которыхъ висятъ косы, бросаются въ глаза своею уродливостію.

Въ день Новаго года по улицамъ встрѣчалось много трехуголокъ, форменныхъ папахъ и даже цилиндровъ; послѣ времени визитовъ все замерло, наступила обычная тишина и стало безлюдно на улицахъ. Извощики—что̀ чиновники—справляютъ табель: они въ высокоторжественные дни ѣздятъ по возвышенной, праздничной таксѣ, удваиваютъ плату за ѣзду по концамъ и часамъ. При тридцатиградусномъ морозѣ не зажигали, какъ бываетъ въ столицахъ, костровъ для кучеровъ при разъѣздахъ; попонъ на лошадяхъ не было видно. Мѣстныя лошади здѣсь отличаются отъ приводныхъ тѣмъ что зимой онѣ мохнаты, нѣкоторыя даже кудрявы; извощики разъѣзжаютъ въ собачьихъ и козьихъ дохахъ, городовые стоятъ на постахъ въ громадныхъ тулупахъ.

1889 года, 6 января, мы вечеромъ выѣхали изъ Иркутска. Ночью разчитывали доѣхать до Байкала чтобы засвѣтло переѣхать сухимъ путемъ черезъ „Святое море“, какъ здѣсь величаютъ Байкалъ. До озера 60 верстъ; путь идетъ вверхъ по его истоку, Ангарѣ. Отъ города до Байкала значительный подъемъ.

По живописному берегу Ангары мы ѣхали лунною ночью. Ледъ здѣсь былъ такой же кудрявый какъ и при въѣздѣ въ городъ. Онъ переливался синими, голубыми, зеленоватыми тонами, бѣлѣлъ серебристыми пятнами, игралъ и искрился радужными цвѣтами, какъ и при солнечномъ свѣтѣ; стоявшія дыбомъ льдины казались бирюзовыми; на глыбахъ льда снѣгъ покрытъ былъ миріадами блестковъ. Чудную картину только-что ставшей Ангары обрамляли высокіе, скалистые берега ея; они фантастическими зубчатыми темными массами рисовались на небосклонѣ залитомъ серебристымъ блескомъ луны; внизу кусты, скалы; прибрежные камни покрыты инеемъ. Всю эту феерическую картину застилалъ по временамъ валившій изъ полыней и прорубей рѣки туманъ; густые клубы его носились надо льдомъ, колебались и ходили по долинѣ которая все суживалась по мѣрѣ приближенія къ озеру. Картины яркаго, ослѣпляющаго колорита вдругъ смѣнялись туманными картинами,—сквозь паръ, какъ сквозь дымку, виднѣлся пейзажъ; затѣмъ все вдругъ задергивалось густою молочно-бѣлою пеленою съ тѣмъ чтобы черезъ короткое время снова заблестѣть и заискриться. Эта игра луннаго свѣта съ туманомъ, эти ночные зимніе мотивы пейзажей были столь увлекательно чудны что забывались трескучій морозъ, ухабистая дорога, раскаты по ней и всѣ невзгоды саннаго пути ночью но первопутью.

Патроновскую и Тальцинскую станціи, сорокъ одну версту, мы проѣхали любуясь видами Ангары, но дальше насъ не пустили; остававшееся до Байкала разстояніе было незначительно, но дорога туда столь опасна для ѣзды ночью что намъ не дали лошадей. На зарѣ мы выѣхали со станціи и, сдѣлавъ не болѣе трехъ верстъ по тракту, свернули съ берега Ангары въ лѣсъ. Узкій объѣздъ версты въ четыре проложенъ былъ только наканунѣ и шелъ мелкимъ, частымъ березнякомъ. Дорога чрезъ лѣсную чащу была сугробиста и тѣсна. Ангара залила весь ледъ, выступила изъ береговъ и затопила тракты; Ангара, по мѣстному выраженію, „кипѣла“. Подъ горою стояло огромное облако пара надъ быстро текущею рѣкой; видно было какъ чистая, казавшаяся голубоватою вода струилась надо льдомъ. Ангара „курилась“, что̀ значило что Байкалъ только-что сталъ. Сѣрый туманъ заволакивалъ даль и не давалъ разглядѣть противоположнаго берега; однѣ только верхушки горъ острыми конусами торчали надъ сѣрою мглой.

Тройка наша жалась въ чащѣ и медленно тащила насъ въ гору. Молодыя березки попадались между коренною и пристяж-

ными; мягкія, гибкія деревца подминались подъ лошадей и сани, стволы покрупнѣе хрустѣли и ломались. Приходилось останавливаться и выручать коней запутывавшихся въ кустахъ. Повозка натыкалась на пни, подскакивала ударяясь о нихъ и трещала. Мѣстами тройка и повозка отводами давила къ землѣ молодую заросль и прижимала и мяла ее какъ траву. Все шло медленно, но благополучно, пока сани вдругъ не стали, вклинившись межь двухъ пней. Коренная была не въ силахъ осадить повозку. Пни были не высоки, ихъ подъ снѣгомъ не было видно. Ямщикъ сталъ рубить березку чтобы сдѣлать изъ нея рычагъ которымъ можно было бы вывернуть повозку. Но топорище пробывшее шесть недѣль на морозѣ было такъ хрупко что при первыхъ же ударахъ разбилось какъ стекло. Пилой удалось добыть рычагъ, которымъ вывернули отводы повозки изъ тѣснины. Вскорѣ мы двинулись, и повозка опять запрыгала по корягамъ и пнямъ, лошади опять мордами стали раздвигать заросль, мять березки. Онѣ тянули насъ все въ гору по глубокому снѣгу пока мы не выѣхали на трактъ; къ полудню мы были на Листвяничной, на самомъ Байкалѣ.

Истокъ Ангары—влѣво, т. е. сѣвернѣе мѣста у котораго лежитъ селеніе Листвяничное, мѣстность крайне живописная. На правомъ берегу рѣки, влѣво по направленію нашего пути возвышается неприступная скалистая гора; по склону ея высѣчена почтовая дорога; справа надъ рѣкою пропасть, въ глуби которой и при тридцатиградусномъ морозѣ шумитъ, кипитъ и бурлитъ кудрявая Ангара. Дальше вправо на лѣвомъ берегу ея видны поросшія хвойнымъ лѣсомъ крутыя возвышенности. Спереди бѣлѣлъ Байкалъ, на горизонтѣ синѣли его гористые берега. Ангара въ истокѣ своемъ не замерзаетъ, и мѣсто въ которомъ стекаютъ воды озера въ рѣку тоже верстъ на десять при насъ не покрыто было льдомъ. Вода Ангары и лѣтомъ теплѣе 10 градусовъ не бываетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ есть на этой рѣкѣ мѣста которыя никогда не замерзаютъ; быстрое теченіе этой горной рѣки, единственнаго истока громаднаго озера, не даетъ льду лечь пластомъ по водѣ: онъ неровенъ отъ „наледей“, ломанъ, стоитъ глыбами и торчитъ острыми кусками и „накипями“.

Въ Листвяничной граница порто-франко. На востокъ отъ этого мѣста ввозъ изъ-за границы безпошлинный. Тутъ на Байкалѣ таможня для иностранныхъ товаровъ. Въ Листвяничной американскій, китайскій и англійскій товары дешевле нежели въ Иркутскѣ, но никакой иностранный то-

варъ не доходитъ до Байкала, потому что его некому продавать. Въ Приморской, Амурской и Забайкальской областяхъ свободная торговля мало пока удешевляетъ предметы первой необходимости вслѣдствіе трудностей доставки, риска и дальнихъ разстояній сухаго пути между мелководными рѣками Забайкалья. Мѣсто для таможенной заставы въ Листвяничномъ выбрано очень удачно. Пограничная стража здѣсь сама природа: вода и скалы оберегаютъ Иркутскую губернію отъ контрабанды. Слѣва отъ узкаго тракта неприступная гора стѣною, справа — незамерзающая быстрая рѣка. Около шлагбаума, на самомъ узкомъ мѣстѣ между горой и рѣкой, подъ таможеннымъ навѣсомъ при нашемъ проѣздѣ стоялъ караванъ чая. Далѣе въ селеніи, на льду озера, передъ домами были обширныя огороженныя мѣста, въ которыхъ какъ на постоялыхъ дворахъ стояли караваны чая. На западъ идетъ изъ Китая черезъ Листвяничное почти исключительно чай, на востокъ черезъ помянутое селеніе изъ Россіи все европейское направляется въ Забайкалье и Амурскій край. Тутъ проходятъ всѣ товары, начиная съ муки и крупы изъ Томска и Иркутска и кончая мануфактурными товарами и игрушками изъ Москвы. Разчитано что все то что̀ въ 1888 году шло за весь годъ черезъ Листвяничное съ востока можетъ быть провезено по рельсовому пути въ теченіе недѣли, такъ что при остающихся же равныхъ условіяхъ въ теченіе остальныхъ 51 недѣли въ году пришлось бы возить однихъ пасажировъ. Не только на приростъ населенія слѣдуетъ разчитывать, но и на увеличеніе потребностей каждаго отдѣльнаго сибиряка; при теперь существующей неприхотливости, при настоящей простой жизни за Ураломъ провозить черезъ Сибирь и ввозить въ нее приходится мало.

Село Листвяничное стоитъ на узкой полосѣ озернаго берега; за нимъ возвышаются крутыя горы, воздымаются скалы съ откосами покрытыми густымъ лѣсомъ, передъ нимъ стелется ширь Байкала. Уставился только одинъ рядъ домовъ; однобокою улицей стоятъ избы обращенныя лицомъ къ озеру. Пароходы, барки и большія „посудины“ съ высокими мачтами напоминаютъ морскія стоянки судовъ. Пасмурная погода не давала намъ разглядѣть противоположнаго берега, и гавань казалась гаванью на открытомъ морѣ.

Не успѣли мы выйти изъ повозки, какъ толпа мѣстныхъ жителей обступила насъ: пошли предложенія перевезти насъ черезъ „море“. Послѣ долгихъ переговоровъ мы поладили съ

обратными ямщиками изъ-за моря, изъ Посольска. На четырехъ лошадяхъ при двухъ провожатыхъ насъ въ тотъ же день обѣщались доставить на противоположный берегъ. Слѣдовало проѣхать 50 верстъ вдоль праваго западнаго берега до села Голоустнаго, затѣмъ поперекъ моря 60 верстъ и 9 верстъ отъ Посольска до Большерѣченской почтовой станціи. По Байкалу еще не было поставлено вѣхъ; мы одни изъ первыхъ путниковъ въ этомъ году переѣзжали море. Направленіе которое мы взяли былъ старинный путь—имъ пользовались когда еще не существовало Кругобайкальскаго тракта. Теперь „моремъ“ почта ходитъ напрямикъ отъ Листвяничнаго, а на Голоустное и Посольскъ не ѣздятъ.

Прибывъ на Байкалъ мы застали на немъ пасмурную погоду. Облачно было во время нашего пути въ Москвѣ, Казани, но съ Перми цѣлый мѣсяцъ стояли больше свѣтлые, солнечные дни. Тутъ на Байкалѣ, въ живописнѣйшей мѣстности, стало туманно и угрюмо. Поднялся вѣтеръ, для насъ попутный; отъ него повозку парусило,—она катилась по льду какъ бы сама и быстро двигалась при вялыхъ, опущенныхъ постромкахъ. Вѣтеръ подымалъ на озерѣ снѣговые смерчи; они бѣгали взадъ и впередъ мимо насъ, крутились веретеномъ, вились струнокой и въ видѣ дыма завитками исчезали тамъ, гдѣ въ мутной дали снѣжной мглы поверхность озера сливалась съ небомъ. Вправо не видно было горизонта: море казалось открытымъ; сѣрая поверхность льда сливалась съ сѣрымъ же небомъ. Спустясь въ Листвяничномъ на чистый, а вблизи вокругъ насъ и подъ нами казавшійся чернымъ ледъ, мы ѣхали все вдоль высокаго утесистаго берега въ полуверстѣ отъ суши. Байкалъ—это какъ бы трещина земной коры, по которой протекаетъ Ангара; онъ какъ бы расширеніе рѣки Ангары. Болѣе трехсотъ рѣкъ, рѣчекъ и рѣченокъ, не считая ручьевъ, принимаетъ въ себя Байкалъ и выпускаетъ лишь Ангару. У Листвяничнаго есть какъ бы невидимая подводная плотина не дающая стечь всему озеру; уносимая Ангарой вода опорожняетъ озеро лишь настолько что уровень его остается постояннымъ. Байкалъ въ южной своей части окруженъ неприступными горами съ узкими долинами; лишь иногда ущелья отдѣляютъ одинъ конусъ горной высоты отъ другаго. Каменистыя и песчаныя дельты мелкихъ рѣкъ выступаютъ изъ этихъ долинъ и образуютъ плоскіе, тупые мысы. Между этими полуостровами въ море могуче вдаются скалистыя вывѣтренныя громадныя стѣны. Крутые

береговые холмы покрыты густымъ лѣсомъ; на голыхъ скалахъ растутъ только мхи, лишаи, и мелкій кустарникъ виднѣется въ расщелинахъ и трещинахъ ихъ. Красивы верхушки скалъ: то онѣ торчатъ остроконечными шпилями, то представляются въ видѣ волнистыхъ, закругленныхъ фестоновъ; встрѣчаются и остро-зубчатые хребты. Мягкія очертанія холмовъ чередуются съ угловатыми вершинами скалъ — эта смѣна характерна для береговъ Байкала; впечатлѣніе которое вообще производитъ Байкалъ на путника — впечатлѣніе чего-то угрюмо-суроваго, грандіознаго. По берегу вдоль нашего пути надо льдомъ торчали острые рифы и подводные камни. На значительной высотѣ на скалахъ и на рифахъ виденъ былъ ледъ въ формѣ сталактитовъ, сосулекъ, накипи — все это были оледенѣлые брызги послѣднихъ передъ замерзаніемъ бурь бушевавшихъ здѣсь въ то время какъ озеро становилось. Ледъ на скалахъ мѣстами походилъ на стекло, на хрусталь; казалось что скалы стояли на прозрачномъ, хрупкомъ фундаментѣ, на стекляныхъ пьедесталахъ. Часто при проѣздѣ нашемъ вдоль берега сплошная каменная стѣна вдругъ какъ бы расщеплялась, между громадными скалами видна была узкая долина, по которой спускалась рѣчка — крошечный притокъ громаднаго водоема. Въ такихъ мѣстахъ ютились утлыя, бревенчатыя, съ плоскою дерновою крышей хижины; это—„поварни“ (зимою) и „лѣтники“ рыбаковъ. На протяженіи пятидесяти верстъ не встрѣтилось жилья. Большая, Средняя и Малая „кадильницы“—это группы высокихъ скалъ вдающихся въ море и отвѣсно подымающихся надо льдомъ. Между этими кряжами въ видѣ мысовъ идутъ песчаные холмы поросшіе лиственнымъ и хвойнымъ лѣсомъ; холмы эти какъ бы вставки между кулисами театральныхъ декорацій. Сами скалы всѣхъ „кадильницъ“ совершенно голы: ни одинокихъ сосенъ, ни кустиковъ, ни даже мха на нихъ нѣтъ. Подъ скалами ледъ былъ черный, выметенный отъ снѣга вѣтромъ или никогда еще не покрывавшійся снѣгомъ. Дальше, гдѣ ледъ образовался во время бурь, онъ былъ мутенъ, сѣръ, непрозраченъ и шероховатъ. Ѣзда по льду была что̀ плаваніе въ лодкѣ: рѣдко-рѣдко колыхалась повозка, кой-гдѣ качнувшись на трещинѣ во льду или на комкѣ примерзшаго ко льду снѣга. Движенія почти не было замѣтно—до того плавна была ѣзда по льду; свободно удавалось, насколько то позволялъ морозъ, писать и рисовать, дѣлать наброски береговыхъ скалъ и холмовъ въ повозкѣ неслышно скользившей по зеркальной поверхности

льда. Трещины которыя мы встрѣчали вдоль берега были незначительны. Одинъ только разъ ѣхавшій за нами второй ямщикъ забѣжалъ впередъ разглядѣть гдѣ бы коренной легче перескочить черезъ зіявшую водную пропасть.

Солнце уже на закатѣ проглянуло чрезъ мглу и туманъ застилавшій горизонтъ: мы въ сумерки подъѣхали къ селу Голоустному и все еще были на западномъ берегу Байкала, въ Иркутской губерніи. Какъ въ Листвяничномъ, такъ и здѣсь на льду передъ каждымъ домомъ въ помѣстительныхъ „загонахъ“ стояли чайные обозы; въ подобныхъ же „огородахъ“ согнанъ былъ скотъ на ночевку. Поверхность озера зимою позволяла увеличить собою территорію села,—здѣсь какъ и въ Листвяничномъ, гористо и тѣсно, заселена лишь узкая, береговая полоса; зимою село раздается въ ширь и стоитъ на сушѣ и на льду.

Насъ привезли въ чистый, уютно убранный домъ. Сибирская чистота сказалась тутъ во всемъ своемъ блескѣ; включая и наружныя ступени крыльца, въ домѣ было выскоблено и вымыто все что способно было скоблиться пескомъ и быть мытымъ; въ сѣняхъ полъ усыпанъ былъ бѣлымъ пескомъ, въ комнатахъ лежали коврики изъ нерпичьихъ (тюленьихъ) шкуръ; стѣны и печи были бѣлены; мебель самодѣльная, косяки дверей и колоды оконъ ярко размалеваны масляною краской. Передъ иконами лампадъ не было, передъ ними, по сибирскому обычаю, на планочкѣ поперекъ угла прилѣплены были восковыя свѣчи. Около оконъ висѣлъ вымпелъ съ мачты лодки, на немъ вмѣсто шпиля былъ крестъ. Мы сѣли пить чай за столикъ надъ которымъ висѣло зеркало; насъ попросили встать и расположиться за другимъ столомъ, замѣтивъ что подъ зеркаломъ чая не пьютъ. Въ Сибири не принято ставить самоваръ подъ зеркало: холодная стѣна съ одной стороны и паръ изъ самовара съ другой вредны зеркалу, въ Сибири изстари привыкли и опытомъ научены бережно и осторожно обращаться съ хрупкими предметами. Сравнительно еще недавно тамъ повсемѣстно завелась фарфоровая и стеклянная посуда; на востокѣ Сибири и доселѣ много деревянной посуды въ ходу; чай пьютъ изъ лакированныхъ китайскихъ плошекъ какъ Монголы и Буряты.

Пришлось въ Голоустномъ ночевать, потому что ямщики не рѣшались пуститься въ море въ пасмурную погоду ночью, хотя въ ясную погоду и возятъ по звѣздамъ. Подувалъ вѣтеръ и собиралась погода, вѣхъ еще не было поставлено, закручивала метель и въ одну повозку нечего и думать было пускаться въ море.

Переночевавъ, мы еще до зари выѣхали. Мѣсяцъ тускло проглядывалъ сквозь облака и снѣжную пыль крутившуюся надъ Байкаломъ; вѣтеръ порывами дулъ то съ моря, то изъ ущелій, порошило сверху и мело снизу; облака мельчайшихъ снѣжинокъ носились по поверхности льда, подымались, разстилались, исчезали разсыпаясь по льду и снова возвышались замѣняясь свѣжими новыми клубами снѣжной дымки. Мы выѣхали въ томъ же составѣ какъ ѣхали вчера вдоль берега, но были, кромѣ того, еще вооружены и снабжены тесинами, топорами и слѣгами на случай переправъ черезъ трещины. Матеріалъ для наводныхъ мостовъ былъ во второй повозкѣ. Съѣхавъ въ Голоустномъ на ледъ, мы держали на юго-востокъ, затѣмъ черезъ часъ ѣзды — прямо на востокъ, а за часъ до пріѣзда свернули опять на юго-востокъ. Дорога только мѣстами обозначалась грядками снѣга бѣлѣвшими на темномъ льду; кое-гдѣ, гдѣ и слѣда не было, конскій навозъ, тамъ и сямъ примерзшій ко льду, обозначалъ направленіе; мы ѣхали не первыми, наканунѣ уже двѣ повозки перебрались черезъ Байкалъ. Задавъ лошадямъ курсъ, ямщикъ не правилъ, а смотрѣлъ взадъ на удалявшійся отъ насъ берегъ. Пристяжныя звонко ударяли острыми шипами подковъ и рѣзали ледъ, оставляя на немъ мелкія рябины.

При ясной погодѣ, въ томъ мѣстѣ гдѣ мы переѣзжали черезъ Байкалъ, берега его бываютъ ясно видны все время переѣзда, всѣ шестьдесятъ верстъ которыя приходится дѣлать между Голоустнымъ и Посольскомъ, намъ виденъ былъ удалявшійся отъ насъ западный берегъ около часа ѣзды; восточный берегъ мы завидѣли за часъ до пріѣзда въ Посольское, такъ что въ открытомъ, такъ сказать, морѣ мы были два съ половиною часа изъ четырехъ съ половиною часовъ ѣзды. Ледъ по Байкалу на нашемъ шестидесятиверстномъ пути не вездѣ былъ одинаковъ; вначалѣ онъ былъ гладокъ, дальше онъ становился все шероховатѣе. Сначала ледъ былъ вполнѣ прозраченъ, онъ при этомъ казался чернымъ; дальше менѣе прозрачный и тусклый ледъ посѣрѣлъ; недалеко отъ половины пути ледъ былъ такъ неровенъ что мы ѣхали какъ бы по тряской мостовой. Характерную особенность байкальскаго льда мы увидали только къ концу переѣзда: вся поверхность по которой мы катились усѣяна была какъ бы тарелками. Діаметръ этихъ глубокихъ, супныхъ тарелокъ былъ около трехъ футовъ. Эти крупныя тарелки имѣли темную средину, края ихъ были выворочены, закруглены, бѣловаты. Эти тарелки

застыли въ черноватомъ общемъ фонѣ прозрачнаго льда. Онѣ отстояли другъ отъ друга на нѣсколько вершковъ, иногда онѣ прикасались другъ къ другу. Это явленіе есть слѣдствіе замерзанія озера во время бури; падающій снѣгъ во время метели сбивается съ волнами которыя, сглаживаясь при быстромъ замерзаніи, образуютъ правильной формы диски. Отъ величины волнъ зависитъ величина дисковъ. Бури по озеру бываютъ разныя въ одно и то же время: гдѣ Байкалъ шипитъ, бурлитъ, гдѣ стоитъ зеркальною поверхностію. Мѣстами на озерѣ бури всегда бываютъ сильнѣе; есть и тихіе уголки подъ высокими берегами и около острововъ. Ямщики говорили намъ что величина тарелокъ очень разнообразна, но что обыкновенно въ одномъ и томъ же мѣстѣ онѣ бываютъ изъ года въ годъ одинаковы. Ямщики по величинѣ тарелокъ знаютъ приблизительно по какому мѣсту проѣзжаютъ въ данное время. Тысячи тарелокъ виднѣлись вокругъ насъ въ одномъ мѣстѣ озера; онѣ рябили поверхность льда; чудилось что по немъ пробѣгаютъ мелкія волны, что ледъ колышется, что онъ дрожитъ и перекатывается.

Долго ѣхали мы не встрѣчая трещинъ; попадались лишь расщелины льда, но не расхожденіе его; мелкія, не сквозныя трещины повсюду бороздятъ ледъ. Черезъ два часа ѣзды мы увидали шестъ съ привязаннымъ къ его свободному концу пучкомъ соломы,—это была первая изъ трехъ главныхъ вѣхъ которыя поставлены были на разстояніи двадцати верстъ другъ отъ друга; онѣ обозначали общее направленіе пути; мелкія вѣхи ставятся позднѣе, въ зависимости отъ главныхъ и опасныхъ трещинъ. Около шеста съ соломой по всему озеру, казалось, потянулся какой-то ледяной валъ. Ямщики соскочили и разбѣжались въ разныя стороны. Они скоро вернулись, отпрягли пристяжныхъ и повезли повозку на одной коренной. Лошадь, привычная къ морю, подобралась и ловко перескочила черезъ ледяной валъ и трещину за нимъ, — насъ забрызгало даже внутри повозки. Байкалъ только-что сталъ, а потому крупныхъ трещинъ не успѣло еще образоваться. Чѣмъ дальше, чѣмъ ближе къ срединѣ зимы, тѣмъ больше сжимается ледяная кора; мѣстами бури ломаютъ ледъ, крошатъ его, и ледъ лѣзетъ на ледъ. Трещины опасны когда онѣ шире пяти футовъ. Ямскія лошади берутъ съ повозкой такія трещины, но обознымъ лошадямъ надо строить мосты. Когда вощики не доглядятъ и передовая лошадь нырнетъ, то случается что въ обозѣ сани за санями исчезаютъ подъ ледъ. Ночью въ Голоустномъ мы

слышали глухіе удары, какъ бы пушечные выстрѣлы вдали или раскаты грома въ горахъ. Эти звуки происходили отъ волненія моря подо льдомъ. Говорятъ что если буря бушуетъ на одномъ краю озера, то на противоположномъ краю его отъ нажима ледъ трескается. При этомъ ледъ выпираетъ, онъ становится дыбомъ, на ребро, и на цѣлыя версты тянутся ледяные валы. Самыя опасныя, коварныя трещины тѣ которыя моментально образуются на гладкой, ровной поверхности льда; около нихъ кони иногда не могутъ разомъ осѣсть и потому такія трещины по возможности тщательно обтыкаются вѣхами. Когда трещина образуется за ночь, она всего опаснѣе; утромъ всегда ѣдутъ съ остраткой; каждый проѣзжій считаетъ своимъ долгомъ и своею обязанностію поставить вѣху на новой трещинѣ и заломить верхушки ближайшихъ вѣхъ какъ сигналъ опасности вблизи.

Ѣзда наша была ровная; нигдѣ лошади не шли шагомъ и нигдѣ онѣ не скакали; въ теченіе 4½ часовъ онѣ безъ устали везли насъ по морю. Полпути мы проѣхали безъ встрѣчъ, въ совершенномъ одиночествѣ. Въ ледяной пустынѣ и признаковъ жизни не было—ничто виднѣлось не двигалось; подъ нами рыбы, казалось, должны были быть единственными живыми существами на десятки верстъ кругомъ. Ямщики, однако, разсказывали что поверхность моря и зимою не лишена нѣкотораго оживленія; нерпы—здѣшніе тюлени, моржи выползаютъ изъ трещинъ; къ веснѣ они просасываютъ ледъ и выходятъ на него щениться; по морю летаютъ хищныя птицы и бродятъ по немъ волки привлекаемые на море падалью—обозными лошадьми защемленными въ трещины.

Часу въ восьмомъ, когда уже совсѣмъ разсвѣло и погода пріутихла, мы на горизонтѣ увидали черную точку быстро увеличивавшуюся. Минутъ черезъ десять послѣ того какъ мы ее замѣтили около насъ оказалась встрѣча. Это была вереница повозокъ — кошевъ; въ каждой изъ нихъ сидѣли и лежали по три и по четыре купца, закутанныхъ въ дохи и съ головами покрытыми кошмами. Ямщики, никого не спросясь, остановились; много головъ высунулось изъ-подъ кошемъ. Купцы спросонокъ озирались, но не протестовали на остановку: „ѣздоки“ по Сибири даютъ полную волю ямщикамъ, не командуютъ ими какъ чиновники впервые заѣхавшіе въ Сибирь. Время, потерянное на перепряжку и на остановки, всегда наверстывается. Когда ямщики наговорились между собою и накурились, они оглядѣли повозки и, убѣдясь что кони остыли, замахали бичами и пустились по морю. Сѣрое небо, сѣрая

мгла вдали, ледъ то сѣрый, то черный—вотъ какова была картина предъ нами, и она вплоть до третьей вѣхи не измѣнялась. Тамъ, около третьяго шеста, на прозрачномъ льду стоялъ четырехугольный ящикъ — складной домъ съ плоскою крышей. Хозяинъ этого стоящаго среди моря надъ водою на сухомъ мѣстѣ строенія конопатилъ мхомъ крышу. Толстыя доски загнаны были въ пазы стоекъ утопленныхъ въ ледъ; крошечная дверь и окна прорублены были въ стѣнахъ. Это разборное и переносное строеніе уже не первую зиму служило мѣстомъ стоянокъ ямщиковъ и проѣзжихъ по Байкалу. Во время „погоды“ здѣсь грѣются, пьютъ чай, кормятъ лошадей. Внутри строенія поставленнаго наканунѣ нашего проѣзда не все еще было отдѣлано; только часть стѣнъ убрана была кошмами; полъ не былъ еще слаженъ: сквозь щели его виднѣлся ледъ, а сквозь ледъ сквозила вода. Временно цыновки и рогожи разложены были тамъ гдѣ предполагалось поставить нары. Желѣзная печка уже топилась, грѣла и на ней стояло какое-то варево. И часы, и образъ были уже въ этомъ оригинальномъ помѣщеніи; надъ дверью углемъ выведена была надпись: „Московское подворье“. Такихъ „зимовокъ“ бываетъ до пяти на Байкалѣ; онѣ торгуютъ съ января по апрѣль. Всего полезнѣе станціи эти бываютъ къ веснѣ, когда проѣздъ уже опасенъ. На нихъ можно справиться о полыньяхъ, о трещинахъ, о наледяхъ; онѣ убираются когда берега Байкала уже зеленѣютъ.

Послѣднія двадцать верстъ мы ѣхали при ясной погодѣ. Ближе къ восточному берегу стало снѣжнѣе; пошли даже сугробы. Тутъ мы встрѣтили посольскаго (изъ селенія Посольска) крестьянина, который на одномъ конѣ въ легкихъ санкахъ пустился въ море; это былъ мѣстный житель знавшій Байкалъ; иначе нельзя бы было объяснить и понять его отвагу. За полчаса до прибытія на сушу мы ясно стали видѣть берега; сперва показались зубчатыя вершины горъ, затѣмъ засинѣли холмы, за ними высились широкою полосой хребты. Забѣлѣла среди зелени сосенъ колокольня; позднѣе подъ нею выступили и бѣлыя стѣны—ограда Посольскаго монастыря. Плоскій песчаный берегъ вдается тутъ въ море. Характеръ мѣстности здѣсь иной нежели въ Голоустномъ—простора тутъ больше; виды дальніе и открытые подъ Посольскомъ; и зимою тутъ живописно-песчаный золотистый берегъ и синія горы разнообразятъ снѣжную монотонность пейзажа.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

П. С. Алексѣевъ.

КАКЪ, БЫВАЛО, ѢЗЖАЛИ.

Воспоминанія о проѣздѣ зимою изъ Москвы въ Читу.

IV *).

Отъ Байкала до Читы.

Напившись чаю въ богатомъ крестьянскомъ домѣ у „дружковъ“ перевезшихъ насъ черезъ Байкалъ ямщиковъ, мы пустились на Большерѣченскую почтовую станцію. Дорога шла по пустынной дикой мѣстности; лѣсъ которымъ мы ѣхали былъ корявый, суковатый, приземистый; вездѣ слѣды бурь— масса бурелома, гнилыхъ пней, сухоподстоя. Попадались мелкія тундры, по которымъ настланы были мостики и гати; мѣстами лѣсомъ тянулись какъ бы тротуары. Здѣсь доселѣ весною и осенью сообщеніе вьючное; когда саней нельзя болѣе проволочить здѣсь, по деревянной настилкѣ ходятъ вьючныя лошади. По сугробамъ рыхлаго, только-что навѣяннаго съ моря снѣга, по оврагамъ и по сыпучимъ пескамъ мы долго ѣхали девять верстъ между Посольскомъ и Большерѣченскою станціей; только къ вечеру доставили насъ на трактъ.

На Большерѣченской станціи почта отняла у насъ всѣ пары; намъ пришлось взять вольныхъ. Мѣстный крестьянинъ запрягъ намъ тройку малорослыхъ коней; мохнатыя, кудрявыя лошадки эти оказались быстрыми и выносливыми. Между Большерѣченскою почтовою станціей и селомъ Кабанскимъ дорога болѣе гориста нежели гдѣ-либо далѣе по тракту вплоть до самаго Яблоноваго хребта. Первыя десять верстъ отъ Байкала не встрѣчаешь вовсе ровнаго мѣста, все только одни мелкіе подъ-

*) Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ*, ноябрь, 1899 г.

емы и спуски, гора на горѣ, гора подъ горой, уступы, ступени, скаты и склоны во всѣ стороны; такой разбитой мѣстности и среди горныхъ цѣпей трудно найти. Въ гористыхъ мѣстностяхъ есть хребты, водораздѣлы, есть общее направленіе долинъ, такъ сказать общій планъ, въ которомъ попадаются и подробности — мелкія горы и долины, овраги и холмы, но тутъ, около Байкала, мѣстность какъ будто послѣ какого-то переворота вся взбудоражена, вся поверхность взъерошена. Тройка дружно подхватывала и во весь опоръ несла въ гору; лошади брали какъ бы приступомъ каждую высоту и неудержимо бросались вскачь когда видѣли передъ собою возвышенность. Подъ гору кони шли ощупью, осторожно двигались бокомъ и только у подошвы горы пускались вприпрыжку. Ямщикъ все оглядывался на привязанныя къ нашей повозкѣ салазки, въ которыхъ онъ порожнемъ долженъ былъ вернуться домой. Онъ еле могъ усидѣть на облучкѣ, у насъ захватывало духъ; чуть не закачало насъ до морской болѣзни. Дорога шла по обширному склону горъ. Справа возвышались покрытые густымъ хвойнымъ лѣсомъ холмы очень разнообразныхъ очертаній, слѣва открывался видъ на далекія степи. Крупный лѣсъ вдоль дороги стоялъ не сплошною массой: огромныя деревья, могучіе стволы высились вразбросъ, далеко другъ отъ друга; между ними открывались виды на горы и на степи; кое-гдѣ между ними бѣлѣлъ и Байкалъ.

Большая, чисто выбѣленная станція старинной казенной постройки въ селѣ Кабанскомъ передъ нашимъ пріѣздомъ только-что прогрѣта была топкой. Сухой, теплый воздухъ станціи особенно пріятенъ былъ при чаепитіи послѣ долгой ѣзды на стужѣ. Однако, не успѣли мы осушить первый самоваръ, какъ у насъ зазвенѣло и загудѣло въ ушахъ и насъ стало шатать изъ стороны въ сторону; въ затылкѣ застучало, въ глазахъ потемнѣло,—всѣ признаки угара были на-лицо. Еле выбрались мы на крыльцо; въ полуобморочномъ состояніи насъ вложили въ повозку, и не ранѣе какъ черезъ два часа ѣзды мы вполнѣ пришли въ себя; стучало, однако, еще съ полсутокъ времени въ затылкѣ. Угорѣть въ большомъ, просторномъ помѣщеніи рѣдко случается, въ Кабанскомъ станціонное зданіе отличается просторомъ и высотою комнатъ. При первыхъ симптомахъ угара трудно могла придти мысль о немъ; въ данномъ случаѣ была неумѣлая и неумѣстная услужливость станціоннаго каморника, а злой умыселъ исключался: въ Сибири отравляютъ не угаромъ, а колчеданомъ. Зимою низкія жилыя помѣ-

щенія—зимовья—почти герметически купорятся,такъ что нѣтъ должнаго притока воздуха снаружи для возобновленія воздуха внутри помѣщенія. Въ такихъ душныхъ, мало вентилируемыхъ жильяхъ злонамѣренные люди въ сквозную дыру, чрезъ которую проходитъ болтъ ставни въ колодѣ окна, съ улицы вкладываютъ куски колчедана и зажигаютъ ихъ. Густой сѣрнистый удушливый чадъ наполняетъ всю избу и одурманиваетъ спящихъ въ ней людей. Подобныя „закуриванія“ практикуются, будто бы,и понынѣ съ преступною цѣлію въ глухихъ мѣстахъ. Если растворить настежь дверь и быстро выгнать чадъ отъ колчедана, то навѣки заснувшія жертвы считаются умершими отъ неизвѣстной причины.

Села Тараканское и Ильинское мы проѣхали ночью; дорога по этой населенной мѣстности была ровная, накатанная. Къ утру пошелъ густой снѣгъ. Мы нагнали обратную тройку совершенно занесенную снѣгомъ; на гривахъ и хвостахъ лошадей лежали пушистыя подушки рыхлаго снѣга; вожжи превратились въ бѣлые канаты; на крышѣ былъ сугробъ снѣга. Заснувшаго ямщика разбудили его кони встрепенувшіеся отъ ударовъ бича нашего ямщика. Около Байкала бываетъ еще снѣжно; въ центрѣ Забайкальской области атмосферные осадки рѣдки и невелики, снѣжныхъ заносовъ не бываетъ, какъ въ западной Сибири, о замерзшихъ подъ снѣгомъ въ степи рѣдко слышно.

Въ городъ Верхнеудинскъ, послѣдній городъ на нашемъ пути, мы прибыли утромъ. Песочные холмы вокругъ Верхнеудинска и крупные яры на которыхъ онъ стоитъ были совершенно безснѣжны. На желтыхъ пескахъ зеленѣли вокругъ города сосновые боры. Здѣсь характеръ мѣстности сравнительно съ западно-сибирскими былъ совершенно иной и своеобразный; только тутъ для насъ началась Азія. Контуры горизонта были рѣзки, дали казались ближе отъ чистаго воздуха, воздуха сухаго, морознаго, лишеннаго пыли и влажныхъ испареній. Горы были остроконечны, синѣли конусами; плоскости между ними имѣли волнистый характеръ; пустыни среди горныхъ цѣпей, хребты и отроги ихъ окружали то малыя долины, то долины необозримыя, съ еле видимымъ на горизонтѣ зубчатымъ краемъ образуемымъ хребтами. Тутъ, около Верхнеудинска начало плоскогорья Центральной Азіи, здѣсь черезъ бурятскіе улусы, черезъ степи южнаго Забайкалья переходъ въ Монголію и Тибетъ. Нѣкоторый характерный оттѣнокъ великихъ пустынь въ центрѣ азіятскаго материка замѣ-

тенъ уже здѣсь: кочевья замѣняютъ селенія, скотоводство преобладаетъ надъ хлѣбопашествомъ, озера становятся солончаковыми, травяная растительность замѣняетъ древесную, голые пустыри отдѣляютъ тучныя пастбища отъ дикихъ падей, тайга сухая, тундръ нѣтъ.

Верхнеудинскъ—городъ правильно расположенный; онъ не весь деревянный, какъ большинство сибирскихъ городовъ; кирпичныя зданія разнообразятъ и какъ бы оживляютъ и разукрашиваютъ его общій видъ. По улицамъ Верхнеудинска при насъ расхаживала разноплеменная толпа: встрѣчались Буряты, Китайцы, „семейскіе“ (раскольники). Буряты въ цвѣтныхъ долгополыхъ полныхъ шубахъ — „тарлыкахъ“ и мѣховыхъ шапкахъ подвязанныхъ подъ подбородкомъ—„малахаяхъ“ разъѣзжали въ двуколкахъ запряженныхъ волами; это были первые истые Азіяты видѣнные нами въ Азіи послѣ Татаръ подъ Томскомъ. Желтыя, скуластыя лица ихъ бросались въ глаза и при видѣ Китайцевъ которые не были столь типичны. У Китайцевъ не было тѣхъ узкихъ глазныхъ щелей, угломъ спускающихся къ переносицѣ, и той густой желтоватой окраски кожи. У Бурятъ костюмъ ѣздовой, ходить въ длинныхъ тарлыкахъ имъ неудобно: они видны все въ сѣдлѣ или на повозкѣ. У Бурятъ халатообразное платье застегивается на правую сторону; верхняя пола начиная отъ невысокаго стоячаго ворота двумя уступами подъ прямыми углами идетъ къ пуговицамъ пришитымъ на китайскій манеръ, съ накладными, но не прорѣзными петлями. Эти края одежды отдѣланы цвѣтными полосами матеріи, бархатомъ, мѣхомъ. Рукава бурятской одежды къ концу суживаются и заворочены наружу, такъ что при надобности, при стужѣ, при вѣтрѣ и метели, могутъ быть отворочены на руку и въ состояніи закрыть тылъ ручной кисти; это замѣняетъ рукавицы и перчатки которыхъ Буряты, такъ же какъ Монголы, Китайцы и Японцы, не знаютъ. Духовенство Бурятъ, ламы, и почетныя лица ихъ народа, старшины, „тайши“ и нѣкоторые роды не носятъ типичнаго бурятскаго воротника и застежки тарлыка спереди, а имѣютъ шалеобразный воротникъ, какъ его носятъ Бухарцы, жители Средней Азіи и Японцы. Женскій бурятскій зимній костюмъ мало отличается отъ мужскаго; за то головной уборъ Бурятокъ сложнѣе нежели головной уборъ Бурятъ. Послѣдніе носятъ косу; не брѣютъ головы, но подъ гребенку стригутъ ее. Коса бурятская коротка; въ нее не вплетаютъ ни чужихъ волосъ, ни шелку какъ въ китайскую, и она и у франтовъ-Бурятъ не опускается ниже шеи. Ламы

и почетныя лица, а также нѣкоторыя бурятскія семейства брѣютъ или стригутъ голову и косъ не носятъ. Бурятки-дѣвушки носятъ много мелкихъ косъ висящихъ около ушей, женщины-Бурятки носятъ двѣ косы и поперечную шпильку на затылкѣ, чѣмъ онѣ приближаются къ Китаянкамъ. Буряты встрѣченные нами въ Верхнеудинскѣ были всѣ закоптѣлы, засалены, грязны. Контрастъ съ ними составляли „семейскія“ красавицы; мѣрною поступью прохаживались эти стройныя бабы въ чалмообразныхъ головныхъ уборахъ, въ платкахъ подвязанныхъ подъ подбородкомъ, въ широкихъ, крытыхъ цвѣтною матеріей шубахъ въ накидку съ рукавами спускавшимися до земли. Это былъ не то театральный, не то историческій костюмъ; среди толпы Азіятовъ женщины эти были величавы, казались русскими боярынями. Евреи въ Верхнеудинскѣ совсѣмъ не типичны; они не имѣютъ ни тѣхъ физіономій, ни того костюма что̀ въ Юго-Западномъ краѣ, въ чертѣ осѣдлости ихъ,—въ Сибири они по наружности заурядные сибиряки.

До села Онохойскаго считаютъ отъ города 34 версты, но по рѣкѣ будетъ не менѣе 40 верстъ. Мы выѣхали часа въ два пополудни изъ Верхнеудинска и только ночью добрались до станціи. Сейчасъ же за городомъ спустились мы на ледъ рѣки и, не покидая русла ея, широкою долиной ѣхали вплоть до заката солнца. По берегамъ снѣгъ лежалъ только въ оврагахъ и кое-гдѣ смѣшавшись съ пескомъ покрывалъ полосами голую почву. Препятствія ѣздѣ начались сейчасъ же за городомъ; вода выступила изъ-подо льда и затопила весь нашъ фарватеръ; пришлось изъ „на́леди“ свернуть въ чащу прибрежныхъ ивовыхъ кустовъ. Ямщикъ ударилъ по тройкѣ, и она бросилась въ лабиринтъ сучьевъ, вѣтвей и вѣтокъ густаго ивняка. Прутья какъ трава подогнулись подъ нами, и лошади, подмявъ подъ себя иву, потащили сани но сухому пути. Дальше пошелъ по пути снѣгъ, затѣмъ песокъ, потомъ опять прутья и вѣтви ивы; наконецъ все это смѣшалось подъ нами, и мы шагомъ волоклись, пока не попали опять на ледъ и не раскатились по нему, такъ что чуть повозкой не подшибли коней. Прежнюю, заслуженную повозку нашу, купленную въ Тюмени, въ которой мы прожили цѣлый мѣсяцъ, мы бросили въ Верхнеудинскѣ, потому что теперь намъ предстояла смѣнная, то на колесахъ, то на полозьяхъ, ѣзда. Мы теперь ѣхали въ почтовой повозкѣ которая мнѣ, какъ ѣдущему по казенной надобности, была даровая. Она была значительно легче соб-

ственной повозки и, хотя и меньшая по объему, вмѣщала насъ удобно съ десятью пудами нашего багажа. Поскользивъ съ полверсты по льду, мы опять встрѣтили наледь; свернули въ кусты, прутья затрещали, зацарапали повозку, захлестали коней; послѣдніе изъ чувства самосохраненія скоро высвободили насъ изъ эластичныхъ, гибкихъ тисковъ и снова помчались по рѣкѣ. Далѣе пришлось ѣхать по водѣ; чистая, хрустальная вода по прозрачному льду струилась намъ на-встрѣчу. Повозку значительно подмочило. Лошади ко всему относились безучастно: онѣ одинаковою рысью тащили насъ по водѣ, по рыхлому снѣгу, по вязкому песку, по цѣпкому ивняку и по камнямъ царапавшимъ полозья. Намъ грозила опасность „засѣсть“ на двадцатой верстѣ отъ обѣихъ станцій; какъ разъ, къ нашему неудовольствію и досадѣ ямщика, на половинѣ пошли высокіе берега, на которые нельзя было въѣхать; ледъ затрещалъ подъ нами, и вода ключомъ забила изъ трещинъ, но кони дернули и вылѣзли. Дальше пошло на тотъ же ладъ, но тише и покойнѣй; мы нигдѣ не засѣли и благодаря сноровкѣ ямщика и въ сумерки двигались по рѣкѣ благополучно. На вечерней зарѣ передъ нами разстилалась живописная картина: вдали синѣли горы, на нихъ незамѣтны были подробности, онѣ стояли какъ силуэты и рѣзко отдѣлялись отъ чистаго, яркаго небосклона. Передъ горами разстилались холмы и степи — то зеленые, поросшіе мелкою сосною, то голые, каменистые; по склонамъ горъ и холмовъ желтѣли пески. Закатъ былъ прелестенъ; мы ѣхали на востокъ, солнце передъ нами озаряло чудную цвѣтистую картину. То оно золотило верхушки горъ, то отражалось во льду, то покрывало искрами и блестками снѣгъ, то ярко играло на пескѣ, освѣщая желтые холмы. Густая тѣнь въ „падяхъ“ (долинахъ) среди горъ, темная зелень хвойныхъ деревьевъ пестрили этотъ пейзажъ, богатый красками и эфектный по освѣщенію. Картина была сильна рисункомъ и колоритомъ; такой мозаики, такой цвѣтистой пестроты мы за весь путь по Сибири не видали. Встрѣчи намъ были подъ стать картинамъ природы; желтолицые Буряты въ синихъ шубахъ съ красными каймами, въ остроконечныхъ малахаяхъ-шапкахъ съ красною кисточкой; лица Бурятокъ казались лакированными, они лоснятся отъ сала, которымъ мажутъ себѣ лицо эти Азіяты для предохраненія себя отъ мороза; Бурятки съ блестящими на груди амулетами и другими украшеніями, со шпильками на затылкѣ, лентами черезъ плечо везли сѣно въ городъ;

протяжнымъ „мендуу“ (привѣтствіе) окликали они насъ. Пѣшеходовъ не было; мущины и женщины сидѣли въ крошечныхъ сѣдлахъ съ высокою лукою на низкихъ, мохнатыхъ коняхъ и верхомъ на волахъ, у которыхъ сквозь ноздри черезъ переносицу пропущенъ былъ поводъ, плетеный и витой изъ конскаго волоса. Сѣно которое везли казалось только-что скошенною, еще свѣжею травою—до того зелено оно было. Насъ теперь окружало все цвѣтное; до Байкала не на чемъ остановиться было взору, здѣсь онъ разбѣгался во всѣ стороны: повсюду было интересно, вездѣ была прелесть новизны и невидали. Послѣ снѣжныхъ равнинъ бѣлѣвшихъ въ теченіе мѣсяца передъ нами любо было взглянуть на здѣшнюю пестроту. Селеній до Онохойской станціи намъ вовсе не встрѣчалось, вдали виднѣлись утлыя строенія съ плоскою крышей: это были зимовья Бурятъ, тутъ же стояли и ихъ войлочныя юрты. По берегамъ шли изгороди, загоны, въ которыхъ на ночь стоялъ скотъ. Днемъ онъ виднѣлся бродившимъ по степи и щипавшимъ „ветошь“. На рѣку по́-воду выходили закоптѣлыя „брачёхи“ (Бурятки—жены и сестры „братскихъ“, т. е. Бурятъ); пастухи и пастушки верхомъ на коровахъ пригоняли скотъ на водопой.

На Онохойской станціи „лежала“ почта; лошадей и ей не хватило: всѣ пары были въ разгонѣ. Мы наняли вольныхъ лошадей и уже ночью выѣхали съ ямщикомъ-Бурятомъ. Онъ повезъ насъ рѣкою, но уже на четвертой верстѣ встрѣчные намъ обратные ямщики остановили насъ и отговорили ѣхать дальше. Мы вернулись, потому что, по ихъ словамъ, „рѣка кипѣла“, „наливъ“ все увеличивался и „дороги не было“. На станцію наѣхало за ночь много народа; хотя вольныхъ лошадей было вдоволь и всѣмъ бы хватило, но никто въ эту ночь не пустился въ путь, даже „купцы-ѣздоки“, вѣчно спѣшащіе и повсюду за рублевый „на-чай“ пробирающіеся, остались ночевать. Самоваръ всю ночь кипѣлъ, переходя отъ одной группы „чаевавшихъ“ къ другой. Типы по всей Сибири встрѣчаемые были и здѣсь: купцы, золотопромышленники, Китайцы, чиновники мѣстные и проѣзжіе, почталіоны. Сама почта подъ охраной дежурнаго ямщика сложена была въ сѣняхъ. Духота, вонь, клопы и тараканы не дали намъ уснуть. На утро намъ подали кошеву столь узкую что мы еле улеглись на нашемъ багажѣ. Ямщикъ попался намъ русскій; онъ у каждаго встрѣчнаго Бурята спрашивалъ: куда держать? Станція опять была трудная—сорокаверстная; мы ее одолѣли въ пять часовъ.

Снѣга почти вовсе не было; то и дѣло заѣзжали мы на берегъ чтобы тотчасъ же спуститься съ него на ледъ рѣки. Ледъ или трещалъ или покрытъ былъ водою. Впервые мы здѣсь познакомились съ особенностію забайкальскихъ рѣкъ, съ промерзаніемъ ихъ и съ послѣдствіями этого промерзанія. Вплоть до дна рѣки одною сплошною массой лежитъ ледъ; вода изъ прибрежныхъ ключей и сверху съ рѣки проходитъ бокомъ по берегу, или просасываетъ себѣ путь, или выливается чрезъ трещины льда, образуя „наледи“ и „наливы“. Поверхность рѣки отъ замерзанія наледей дѣлается бугристою, со скатами вокругъ наплывовъ; мѣстами при ѣздѣ по рѣкѣ подымаешься на прозрачную какъ стекло гору, раскатываешься, скользишь туда и сюда и дивишься какъ некованныя лошади могутъ удержаться на такой скользкой, иной разъ во всѣ стороны покатой, гладкой поверхности. По берегамъ по пути нашему тянулись сыпучіе пески и мелкій, корявый кустарникъ. Разъ пришлось съѣхать съ рѣки и верстъ пять протащиться по кочкамъ, буграмъ и камнямъ, по сухой травѣ и по песку смѣшанному со снѣгомъ. Разъ совсѣмъ не было пути; ямщикъ бѣгалъ во всѣ стороны, исчезалъ за пригорками и звалъ Бурятъ на помощь; изъ улуса прискакалъ чумазый всадникъ и долго тараторилъ съ ямщикомъ. Переправляясь черезъ рѣку вдоль которой мы ѣхали, лошади просѣкли ледъ, и мы поплыли; но мѣсто нашего крушенія было у отлогаго берега и лошадямъ удалось выйти на песчаную косу. Въ другомъ мѣстѣ отпрягли пристяжныхъ; коренная перевезла съ берега на берегъ кошеву; мы прогулялись по льду, проходя по немъ на далекомъ другъ отъ друга разстояніи чтобы равномѣрнѣе распредѣлить тяжесть по трещавшему подъ нами льду. Ямщику не даромъ пришлись его четыре рубля; онъ выбился изъ силъ и радъ былъ что могъ ночевать на Курбинской станціи.

Въ селѣ Курбинскомъ при пріѣздѣ нашемъ не походило на зиму; пыль столбомъ стояла по широкой улицѣ; пахло дегтемъ, смолой; вездѣ видны были лѣтнія повозки; воздухъ былъ сухъ, рѣзокъ; было по Реомюру градусовъ — 25; мы сѣли въ высокую „телѣгу“, какъ здѣсь зовутъ форменныя почтовыя повозки. Приступокъ былъ на поларшина отъ земли. Кузовъ этой крытой телѣги лежитъ на длинныхъ дрожинахъ, ось деревянная. Только-что проѣхавъ нѣсколько тысячъ верстъ въ саняхъ какъ-то не привычно было вознестись на высоту такой телѣги. По жесткой, мерзлой, пыльной дорогѣ телѣга за-

грохотала, подпрыгивая на „шивикахъ“—кускахъ мерзлаго навоза. На ходу, особенно при быстрой ѣздѣ этотъ почтовый экипажъ оказался покойнымъ; онъ размашисто колыхался и былъ такъ глубокъ и помѣстителенъ что въ немъ удобно было ѣхать лёжа.

Забайкалье отличается хорошими дорогами; естественные пути сообщенія въ немъ преобладаютъ, дѣланныхъ дорогъ мало. Степныя и горныя дороги въ Забайкальѣ не хуже шосе. Мѣстами не вѣрится что ѣдешь по цѣлинѣ, по свѣже проложенному пути; грунтъ такъ твердъ что колеи, колдобины, выбоины рѣдки. Въ степи вездѣ дорога: придерживаются направленія, но не слѣда; каждое препятствіе объѣзжается, просторъ позволяетъ выбрать любую часть степи и заѣздить ее ничѣмъ не стѣсняясь. Весь дорожный ремонтъ состоитъ въ томъ что подбираютъ выбитые ѣздой и валяющіеся по пути камни и камешки и складываютъ ихъ въ кучки, въ пирамидки которыя служатъ маяками, играютъ ту же роль что вѣхи зимою. Вязкая глина, топи, зыбуны встрѣчаются только въ лѣсистыхъ мѣстахъ около тайги и въ глубокихъ падяхъ; въ степяхъ рѣчки, рѣченки и ключи иногда мѣшаютъ, пески задерживаютъ ѣзду; но все это мелочи въ сравненіи съ другими мѣстностями, областями и губерніями, гдѣ все это встрѣчается заурядъ и часто. Весенней и осенней распутицы въ Забайкальѣ не бываетъ; рѣки въ немъ все мелкіе.

Ночью мы проѣхали Тынгоробалдатскую и Тырбагатайскую станціи. Эти села, носящія столь длинныя названія, и на самомъ дѣлѣ длинны; они населены Русскими, уже значительно обурятившимися: на этихъ станціяхъ и Русскіе между собою говорятъ по-бурятски. У Кульской станціи верстъ на тридцать мы ѣхали голою степью; и признака растительности, даже травяной, не было; колеса стучали какъ по мостовой или безслышно катились какъ бы по полу. Когда приходилось проѣзжать по оазисамъ покрытымъ ветошью (сухою прошлогоднею травой), казалось что мы двигались на резиновыхъ шинахъ. По твердому, какъ бы утрамбованному, грунту этой сухой степи пробѣгали трещины отъ мороза, онѣ однѣ бороздили однообразно сѣрую почву. Вполнѣ горизонтальной, нивелированной плоскости нигдѣ не было, вездѣ и повсюду были уклоны, скаты, еле замѣтные подъемы и спуски; на цѣлыя версты шли косогоры переходящіе въ холмы которые, въ свою очередь, на горизонтѣ превращались въ горы съ острыми верхушками и зазубринами хребтовъ.

Все было голо вокругъ насъ: ни снѣжинки, ни травинки не виднѣлось въ этомъ не то зимнемъ, не то лѣтнемъ пейзажѣ. Долины, ущелья, плоскогорья, горныя цѣпи, хребты и гребни между сопками вокругъ насъ были такъ голы что казались безжизненными: какъ будто они остались въ томъ же видѣ какъ были когда на землѣ еще не зародилась жизнь, какъ будто они тѣхъ эпохъ когда земная кора еще только остывала; сопки перестали дымиться, выплывшая изъ нихъ лава пластами, фестонами легла но склонамъ вулкановъ; скалистыя верхушки горъ только-что стали крошиться и растительность не успѣла еще покрыть землю.

Передъ нами пустыня разстилалась, ширилась въ безмолвіи своемъ; ни души мы не встрѣтили, ни живаго существа мы не увидали на всемъ перегонѣ. Невооруженнымъ глазомъ сразу видно было и на плоскости нѣсколько верстовыхъ столбовъ. Лошади звонко жесткими некованными копытами ударяли по каменистому грунту; повозка подпрыгивала только на трещинахъ; отъ мороза земля расходилась у насъ на глазахъ, трещина ползла и давала отпрыски; за повозкою клубилась пыль, а рѣзкій сухой морозный воздухъ щипалъ лицо. Къ станціи Кульской сворачиваешь изъ степи къ горамъ,—она стоитъ какъ бы въ углу степи. Покинувъ Кульскую станцію ѣдешь срединою обширной степной долины; мѣсто угрюмо, пустынно. Станціонныя зданія въ степяхъ окружены клѣтями, юртами и всякою мелкотой жилищъ, до шалаша включительно; всѣхъ зданій выше и краше—полуэтапъ. Мѣста для остановки арестантовъ щеголевато выдѣляются среди другихъ зданій въ степяхъ и тайгѣ; они всѣ одинаковой архитектуры и одного образца; этапы и полуэтапы среди юртъ и убогихъ избъ—что столичный житель въ толпѣ провинціаловъ.

Между Кульской и Онинской станціями всего пятнадцать верстъ. Тутъ тоже все голо—до горизонта ничего, кромѣ песка, камешковъ и ветоши не видно: все имѣетъ однообразный, нейтральный колоритъ. Весь переѣздъ занялъ часъ времени — такой короткой станціи намъ еще не пришлось проѣзжать. Не успѣли мы обмять подушки, какъ мы подъѣзжали уже къ слѣдующей остановкѣ. Катили мы здѣсь по-бурятски: вскокъ и вскачь. Въ пыли, заброшенные мелкими камешками и пескомъ залетѣвшими вглубь повозки, прибыли мы на Онинскую станцію. Тутъ Буряты у себя дома, лишь нѣсколько поселенцевъ живутъ среди нихъ въ избахъ съ плоскими крышами. Все здѣсь широко, просторно, не уютно,

растянуто, все стелется, не торчитъ, не высится; просторная улица уставлена домиками, на далекомъ разстояніи расположенными другъ отъ друга. Кучи сухаго, мерзлаго навоза возвышаются что̀ дома; скотъ и лошади стоятъ подъ открытымъ небомъ; ни яслей, ни кормушекъ нѣтъ у нихъ; сѣно мелкими комками разбросано по навозу который покрываетъ всю площадь загона огороженнаго жердями. Лошади и скотъ подбираютъ себѣ кормъ изъ-подъ ногъ: они круглый годъ даже не въ степи, а дома, на подножномъ корму. Овса бурятскія лошади не знаютъ.

Повезъ насъ съ Онинской станціи Бурятъ, коса котораго торчала изъ-подъ его малахая. На шубу онъ надѣлъ огромный тулупъ съ двойнымъ мѣховымъ воротникомъ. Лисій малахай его былъ туго подвязанъ подъ подбородкомъ и закрывалъ его уши. При огромной фигурѣ ямщика лошади его казались особенно малыми. Одну изъ пристяжныхъ въ то время какъ мы садились въ повозку два Бурята держали подъ уздцы и за уши. Коренной на глаза накинули мѣшокъ; другая пристяжная была стреножена. Ямщикъ въ сапогахъ на войлочныхъ подошвахъ, какіе носятся Монголами и Китайцами, неслышно подкрался къ повозкѣ, взялъ витыя, мягкія кожаныя возжи въ одну руку и перекидывая концы ихъ за плечо ухватился за повозку; прыгнувъ на козлы онъ гикнулъ; въ этотъ моментъ Буряты отскочили отъ коней, и тройка, рванувшись, бѣшено понеслась. Облако пыли скрыло отъ насъ все. Въ туманѣ и съ запорошенными глазами мы старались только усидѣть и цѣплялись за повозку чтобы не быть выкинутыми изъ нея. Колеса отчаянно грохотали по мерзлой почвѣ, повозка дребезжала, звенѣла; мы неистово мчались и только далеко за деревнею, поднявшись на холмъ, почувствовали облегченіе; можно было спокойно вздохнуть и отвалиться взадъ на подушки. Лошади, наконецъ, угомонились и пошли крупною рысью. Первый хомутъ степныхъ коней только-что добытыхъ арканомъ изъ табуна обыкновенно сопровождается подобною обстановкой. „Братская“ ѣзда—удовольствіе дикое, люба только Азіятамъ. Несмотря на бѣшеные выѣзды и лихіе подъѣзды, въ общемъ, Буряты возятъ хуже Русскихъ; у нихъ всегда лишнія остановки, рысь ихъ мелкихъ лошадей очень коротка; при ихъ ѣздѣ кони легче и скорѣе устаютъ нежели при ѣздѣ на русскій ладъ; бурятскіе кони рвутся и выбиваются изъ силъ при тяжелыхъ экипажахъ, при большихъ почтахъ. Въ Забайкальѣ количество несчастныхъ случаевъ и увѣчій бы-

ваетъ значительно отъ случайностей въ дорогѣ и отъ неумѣлой лихой ѣзды; рискъ садясь въ сани или повозку больше риска когда садишься въ вагонъ если принять въ соображеніе абсолютное количество ѣдущихъ на лошадяхъ и по желѣзной дорогѣ. Среди бурятъ и казаковъ лошадь считается опаснѣе всякаго лютаго звѣря, ею калѣчится множество народа въ Забайкальѣ.

Съ Онинской станціи разстояніе въ тридцать верстъ мы ѣхали пять часовъ. Вначалѣ шли сыпучіе пески, затѣмъ пришлось тащиться по рыхлому снѣгу наполнявшему овраги. На Грядской станціи запрягли кошеву, и мы провели ночь подъ открытымъ небомъ. При двадцати градусахъ мороза чистый, легкій горный воздухъ усыпилъ насъ. Любоваться было нечѣмъ кромѣ какъ звѣздами надъ нами; въ лежачемъ положеніи нѣтъ кругозора, взоръ и мысли невольно возносятся „горѣ“; вокругъ насъ снѣжная пустыня бѣлѣла такъ однообразно что сводъ небесный усѣянный звѣздами поглощалъ все наше вниманіе блескомъ и разнообразіемъ свѣтилъ которыми онъ искрился и сіялъ. По прекрасному санному пути легкая кошева неслышно скользила. Услужливые Буряты угощенные нѣсколькими щепотками табака изъ Москвы (который они не только курили, но жевали и ѣли) укрыли насъ кошмами и припеленали насъ веревками къ кошевѣ. Такой покойной ѣзды я не запомню, она могла сравниться только съ хорошо вентилированнымъ спальнымъ вагономъ, съ плаваніемъ въ хорошую погоду и лежаніемъ на палубѣ. Передъ нами у нашихъ ногъ въ кошевѣ сидѣлъ на корточкахъ сгорбленный ямщикъ въ остроконечномъ малахаѣ туго подвязанномъ подъ подбородокъ. Черная, какъ силуетъ, фигура его рѣдко приходила въ движеніе; когда онъ оборачивался, кисточка на остріѣ его шапки разлеталась, болталась; его старческое, темное, закоптѣлое лицо обрамленное лисьимъ мѣхомъ малахая временами повертывалось къ намъ; онъ то осклаблялся, то дико озирался; вмѣсто удалаго, ухарскаго гиканья русскаго ямщика-молодца слышалось шипѣніе какъ бы змѣиное и протяжный свистъ. Ямщикъ этотъ похожъ былъ на гнома, на сказочное существо; вся обстановка ѣзды имѣла какой-то таинственно волшебный, романтическій характеръ, но покойная кошева скоро убаюкала меня и не дала далѣе разыгрываться фантазіи. Долго ли я спалъ—не помню, но изъ глубокаго, сладкаго сна подняли меня Буряты осторожно и нѣжно толкавшіе мнѣ ноги и плечи. Очнувшись, я увидалъ что вокругъ насъ стоитъ толпа черныхъ фигуръ рѣзко

выдѣлявшихся на бѣломъ фонѣ снѣжной равнины; фыркали лошади, слышенъ былъ говоръ. Нашъ и встрѣчные ямщики ни слова не понимали по-русски; проѣзжающіе въ саняхъ и кошевахъ, встрѣтившіеся намъ, вовсе не просыпались. Я не понялъ сперва въ чемъ дѣло, но изъ жестовъ и позъ Бурятъ могъ заключить что они о чемъ-то просятъ; они складывали ладони, воздымали руки согнутыя въ локтѣ, присѣдали и кланялись въ поясъ. Оказалось что ямщики просили дозволеніе произвести „встрѣчную перепряжку". Понявъ мое согласіе, Буряты засуетились у коней, но я уже не услыхалъ какъ зазвенѣли колокольчики и какъ мы тронулись: до того быстро наступилъ у меня глубокій сонъ.

Двѣ станціи еще, Поперечинскую и Погромнинскую, мы проѣхали въ эту чудную ночь лежа въ кошевѣ и не чувствуя подъ собою дороги. Незамѣтно, какъ бы безсознательно, проскользнули мы полсотню верстъ. На разсвѣтѣ мы были уже на Укырской станціи. Сурово и дико здѣсь; близость озеръ и мѣста истоковъ и верховьевъ рѣкъ спускающихся въ Байкалъ, тайга по хребтамъ обусловливаютъ здѣсь климатическія особенности рѣзко отличающіе это плоскогорье отъ степей на западъ и на востокъ отъ Яблоноваго хребта. До Домнинской станціи дорога идетъ голою степью, снѣга тутъ было много и ѣзда удобная. Солнце ярко свѣтило съ безоблачнаго неба, но не грѣло; градусникъ все стоялъ на тридцати Реомюра. До Вершиноундинской станціи шла тайга. Кошева прыгала по кочкамъ, задѣвала за пни, цѣплялась за кусты и мяла высокую болотистую осоку на объѣздахъ; ямщикъ не ѣхалъ трактомъ, а все сокращалъ путь, проѣзжая лѣсомъ по просѣкамъ, пробираясь между стволами деревьевъ. На этой станціи по направленію нашему все были подъемы; одинъ изъ нихъ крутъ. Мы взвились на вершину горы которая среди лѣса вовсе не была замѣтна ни издали, ни вблизи. На этомъ какъ и на всѣхъ слѣдующихъ перевалахъ былъ „обо": это—березка увѣшенная мелкими лоскутками матеріи и пучками конскаго волоса; эти „обо"—мѣста жертвоприношеній духу или духамъ мѣстности. По шаманскимъ міровоззрѣніямъ каждое мѣсто—гора, падь, хребетъ, озеро, рѣка и т. д.—имѣетъ своего духа, властелина-хозяина, своего генія покровителя. Шаманскихъ понятій придерживаются и Буряты-будисты; даже есть и Русскіе, особенно казаки которые вѣрятъ въ „духъ природы" и считаютъ „обо" чѣмъ-то таинственно-важнымъ. Культъ духовъ витающихъ въ пространствѣ—остатокъ первобытной религіи общей

всѣмъ дикарямъ, въ томъ числѣ и дикарямъ сѣвера. Ламы, сообщившіе Бурятамъ ученіе Будды оставили имъ кое-что изъ ихъ древняго почитанія силъ природы. На хребтахъ проѣзжіе умилостивляютъ духа мѣстности приношеніемъ: кто оставитъ кусочекъ матеріи, кто клочокъ волосъ коня, кто брызнетъ на всѣ четыре стороны аракой (хмѣльнымъ напиткомъ изъ коровьяго молока, потребляемымъ Бурятами и Монголами,) кто посыплетъ табакомъ мѣсто около священной березки. На самомъ Яблоновомъ хребтѣ, на трактѣ, слѣва, по направленію на востокъ стоитъ часовня, а справа березка увѣшенная тряпьемъ и клочками конской гривы.

До Кондинской станціи мы все подымались въ гору среди дремучихъ, дикихъ лѣсовъ; на протяженіи 34 верстъ мы не встрѣтили ни души и не видали признаковъ жилья; не говоря ужь о селеніяхъ, на этомъ перегонѣ не было ни одной заимки, ни зимовья, ни юрты. Ямщикъ запрегъ сани, но не обѣщался доставить насъ на нихъ; онъ разчитывалъ на встрѣчу и хотѣлъ дорогою перепречь въ повозку. Но ночью никто намъ не встрѣтился и мы долго бились на перевалахъ; твердая чуть не какъ кремень глина смѣнялась пескомъ смѣшаннымъ со снѣгомъ; мы то и дѣло съѣзжали съ тракта и пробирались или лѣсомъ, или по ветоши около наѣзженной дороги; по замерзшимъ тундрамъ можно еще было протащить сани. До села Беклемишевскаго дорога вся въ подъемахъ, горъ не видно, а ровнаго мѣста нѣтъ, и съ одного уступа ѣдешь на другой, подымаешься все незамѣтно. На разсвѣтѣ мы стали встрѣчать обозы съ амурскимъ чаемъ; два-три цибика лежало на двухколесной повозкѣ; той охраны что̀ мы видѣли при чайныхъ обозахъ между Иркутскомъ и Томскомъ здѣсь не было. Тутъ такъ безлюдно что краденое, вѣроятно, туго сбывается и не стоитъ организовать шайки чаекрадовъ, какъ то водится по Московскому тракту на западъ отъ Байкала. Встрѣтили мы и верховыхъ Бурятъ и Бурятокъ на высокихъ сѣдлахъ и крошечныхъ лошадяхъ, на коровахъ и волахъ. Всадника не отличишь отъ всадницы; Буряты безъ бороды, и костюмъ зимою у женщинъ и мущинъ одинаковъ. Видѣли мы ледъ везомый на телѣгахъ и сани которыя волы тащили съ тяжелою кладью по песку. Около села и въ селѣ Беклемишевскомъ мы застали пыль, ледъ, мерзлый навозъ на улицахъ и нигдѣ ни снѣжинки. Солнце ярко сіяло̀, воздухъ былъ чистъ, легокъ, рѣзокъ; градусникъ показывалъ 40 по Реомюру. Ртутный термометръ ничего не показывалъ, въ немъ катался блестящій крошечный шарикъ ртути. Изъ Беклемишевскаго села мы выѣхали до зари

чтобы восходъ солнца застать на хребтѣ. Переночевавъ въ чистой, просторной станціи мы еще въ полумракѣ покатили по широкой, пыльной улицѣ села. Морозило, пылило, колеса стучали, мы кутались въ шубы, кругомъ зеленѣлъ лѣсъ, земля трескалась отъ мороза, контрасты забайкальской зимы дивили насъ.

Картина разстилавшаяся предъ нами при въѣздѣ на Яблоновый хребетъ была невзрачна. Дорога сухая, твердая, гдѣ каменистая, гдѣ песочная, узкою полосой вилась отлогими подъемами по лѣсу. Сосны, ели и лиственницы тянулись безпрерывно сплошною массою вдоль нашего пути; кое-гдѣ видны были корявыя березы, тамъ и сямъ сухая, горѣлая лиственница высилась надъ окружающей ее чащею. Видовъ не было никакихъ; на самыхъ гребняхъ хребта не доѣзжая еще главнаго перевала ничего кромѣ долинъ и горъ покрытыхъ лѣсомъ взору не представлялось. Съ высотъ вплоть до горизонта виднѣлись другія подобныя же закругленныя высоты, такія же зеленыя вдали какъ вблизи. Ни скалъ, ни голыхъ камней, ни розсыпей не было вокругъ насъ; можно было подумать что мы не у хребта, а въ плоской холмистой мѣстности. Яблоновый хребетъ широкъ, онъ не величественъ и не останавливаетъ на себѣ вниманія путника переваливающаго черезъ него. Съ уступа на уступъ поднимались мы на самый перевалъ. Когда мы были у часовни на самомъ гребнѣ солнце выплыло изъ-за плоскаго горизонта; поднявшись, оно стояло на безоблачномъ сѣроватомъ небѣ тусклымъ желтымъ дискомъ безъ лучей. Морозъ трещалъ когда мы стояли на перевалѣ; воздухъ не колыхался, вѣтра не было, все какъ-то безмолвно, безжизненно было вокругъ; освѣщеніе было яркое, но любоваться было нечѣмъ. Пейзажъ былъ похожъ на лѣтній, огромная площадь вокругъ насъ и подъ нами, у нашихъ ногъ зеленѣло, передъ нами какъ морскія волны тянулись холмы; нигдѣ снѣга и слѣда не было замѣтно; пыль, зелень, безоблачное небо и солнечное освѣщеніе довершали илюзію лѣта, а морозъ щипалъ. Только на востокъ съ натяжкой отыскалась точка которую можно было, пожалуй, назвать живописною. Это было мѣсто спуска тракта съ хребта. Уступы здѣсь круты; дорога вьется среди густаго лѣса такими изворотами что пропадаетъ въ чащахъ и затѣмъ бѣлѣетъ опять въ темной рамкѣ хвои сосенъ и елей. Вдали синѣютъ высоты похожія на горы: это цѣпь возвышенностей по ту сторону долины Ингоды, верстахъ въ пятидесяти отъ перевала черезъ Яблоновый хребетъ.

Но ни вправо, ни влѣво, ни взадъ не было на что̀ любоваться, все было какъ и на мелкихъ перевалахъ.

Давъ лошадямъ вздохнуть, мы съ перевала отъ часовни безъ тормаза спустились съ Яблоноваго хребта. Версты двѣ коренная садилась, ползла осаживая повозку, но затѣмъ пошли уже не „ярые“ спуски. Поднимаешься на хребетъ верстъ 20, спускаешься съ него верстъ восемь. Домноключевская станція на восточномъ склонѣ Яблоноваго хребта у подошвы его расположена живописно. Вокругъ этого селенія горы, пади; строенія ютятся по скатамъ горъ надъ быстрою горною рѣчкой которая не принадлежитъ уже къ басейну Байкала, Лены, Ледовитаго океана, а стремится въ Ингоду, въ Амуръ, въ Тихій Океанъ. Селеніе около Домноключевской станціи не имѣетъ общесибирскаго или забайкальскаго типа; по положенію своему оно напоминаетъ аулы Кавказа, селенія въ долинахъ швейцарскихъ Альпъ. Растительность уже здѣсь на этомъ боку хребта совсѣмъ иная нежели по ту сторону перевала. Преобладаютъ тутъ лиственныя породы деревьевъ надъ хвойными; скалы не поросли мхомъ, кустарникъ иныхъ породъ. Вмѣсто глины, песка и тундръ тутъ голые камни, розсыпи, щебень. Заяблонье, древняя Даурія, отграничена отъ остальной Сибири рѣзкою естественною границей; между восточною частію Россіи и Зауральемъ, какъ искони звали Сибирь, разницы гораздо меньше что̀ касается природы, нежели между западною частію Забайкалья и восточною его частію — Заяблоньемъ. Яблоновый хребетъ какъ водораздѣлъ между Леной и Амуромъ гораздо важнѣе Урала въ орографическомъ отношеніи; но вмѣстѣ съ тѣмъ Яблоновый хребетъ такъ же невзраченъ и мало замѣтенъ для переваливающаго черезъ него путника какъ и Уралъ.

На Домноключевской станціи мы впервые встрѣтили забайкальскія мукомольныя мельницы съ конными приводами. Паръ еще не проникъ сюда, воды мало въ сухомъ Забайкальѣ; конные приводы въ примѣненіи къ мукомольному дѣлу уже прогресъ и усовершенствованіе противъ ручныхъ мельницъ, доселѣ еще вертящихся во многихъ мѣстахъ Сибири.

Спустясь отъ Домноключевской станціи въ степь, мы „хлестко побѣжали“, по мѣстному выраженію, на послѣднюю для насъ Черновскую станцію. Ярко блистало, но не горѣло солнце; дали отчетливо и рѣзко рисовались въ чистомъ воздухѣ; ни снѣга, ни льда нигдѣ не было: пыль, камни, растрескавшаяся отъ морозовъ земля, прошлолѣтняя трава — ветошь и синія горы вдали образовывали передъ нами картину

совершенно инаго характера нежели та при которой мы сегодня утромъ скучали на вершинѣ Яблоноваго хребта. Пустыню оживляли стада; при жестокомъ морозѣ какъ-то непривычно было видѣть картину напоминавшую теплыя страны, сцены южной природы: пастухъ гналъ предъ собою овецъ, лошади щипали ветошь, скотъ бродилъ по солончаковымъ пастбищамъ, все это озарено было яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, все поэтому имѣло какой-то мѣстный, своеобразный колоритъ. Казалось что здѣсь хотя и Россія, и Сибирь, но что тутъ мало русскаго и сибирскаго, а есть что-то зарубежное: только здѣсь для насъ начиналась окраина Россіи.

Съ Черновской станціи расположенной въ казачьемъ поселкѣ мы въ тотъ же день къ вечеру прибыли къ мѣсту назначенія. Переложивъ свои вещи въ послѣднюю повозку, мы на казачьихъ лошадяхъ помчались въ городъ. Горы долго скрывали отъ насъ цѣль нашего путешествія — „песочницу“ Читу. Дорога была гладкая, твердая; по „уваламъ“ подымались и спускались мы по степной мѣстности. За двѣ версты лишь не доѣхавъ до областнаго города Читы мы увидали сѣрую полосу строеній среди горъ. Мы увидали Читу когда были уже подъ самымъ городомъ.

Въ дорогѣ мы пробыли 51 сутки; въ Казани, Перми, Тюмени, Томскѣ и Канскѣ мы стояли 6 сутокъ, въ Иркутскѣ недѣлю; ѣзды между Москвою и Читою было 38 сутокъ. Скорость ѣзды, включая остановки, была 118, а безъ нихъ— 158 верстъ въ сутки. При дневномъ освѣщеніи мы ѣхали только одну треть времени; бо́льшую часть пути совершили въ темнотѣ или при свѣтѣ звѣздъ и луны; ровно мѣсяцъ ѣхали мы между Ураломъ и Байкаломъ при безоблачномъ небѣ.

П. С. Алексѣевъ.

Г. Рига.
Октябрь. 1898 г.